

486571.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
КРЫМСКО-ТАТАРСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ

ПО ИСТОРИИ

КРЫМСКО-ТАТАРСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

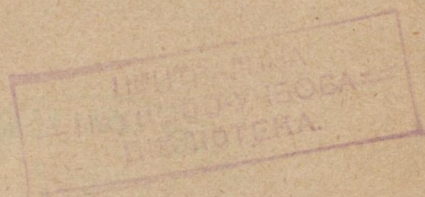
О. ЛАШКОВА.

СИМФЕРОПОЛЬ.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1897.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ТАВРИЧЕСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ЗЕМСТВУ.

NOT A HARBOUR

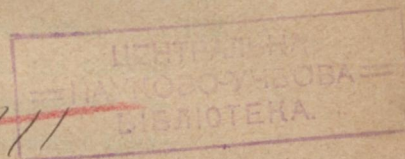
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

Ө. ЛАШКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

КРЫМСКО-ТАТАРСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

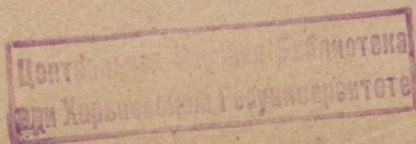
~~1924~~

СИМФЕРОПОЛЬ.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1897.

48654

25

О. ЛАШИНОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

Печатано по постановленію Таврической Ученной Архивной Коммисіи.

— 1882 —

ТАВРИЧЕСКАЯ УЧЕННАЯ АРХИВНАЯ КОММИССИЯ

1882

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія.

Стр.

Предисловіе	I—XVI
I. Главнѣйшія черты общественнаго устройства монголо-татаръ. Измѣненія въ общественномъ устройствѣ монголо-татаръ при Чингизъ-ханѣ; начало землевладѣнія. Главнѣйшія черты внутренней организаціи Золотой Орды и вліяніе ихъ на бытъ Крымскаго улуса.	1
II. Начало земледѣльческаго строя въ Крыму; возникновеніе сельской общины и начало бейлика	15
III. Развѣтіе поземельныхъ формъ въ Крымскомъ ханствѣ	38
IV. Ханское землевладѣніе	62
V. Калгалыкъ	67
VI. Бейлыкъ	70
VII. Ходжалыкъ	80
VIII. Мурзинское землевладѣніе	88
IX. Поселянское землевладѣніе	90
X. Вакуфное землевладѣніе	108
XI. Доменъ турецкаго султана	114
XII. Крымско-татарское землевладѣніе при послѣднемъ Крымскомъ ханѣ Шагинъ-Гирей	121
XIII. Землевладѣніе въ Крыму послѣ присоединенія его къ Россіи	123
XIV. Дѣятельность Коммиссіи, учрежденной 19 мая 1802 г. для разбора поземельныхъ споровъ въ Крыму и опредѣленія повинностей татаръ-поселянъ. Послѣдующая законодательная дѣятельность о крымскомъ землевладѣніи. Заключение	144
Сборникъ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія.	
Введеніе	I—III
I. Ярлыки и фирманы	1
II. Документы беевъ	32
III. Выписи изъ кадіаскерскихъ дефтерей	44
IV. Документы, относящіеся ко времени послѣ присоединенія Крыма къ Россіи	101

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРЫМСКО-ТАТАРСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

(Предисловіе).

Вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи, его сущности и значеніи былъ поднятъ вскорѣ послѣ присоединенія Крыма. Поземельныя неурядицы, обнаружившіяся въ новоприсоединенномъ краѣ, поневодѣ заставили заняться этимъ вопросомъ, съ цѣлью практическаго его разрѣшенія. Началась практическая разработка вопроса, которая за небольшими перерывами продолжается до настоящаго времени. Въ теченіе этого времени былъ предпринятъ рядъ административныхъ и судебныхъ мѣръ, съ цѣлью упрядоченія поземельнаго устройства Крыма и устраненія происходившихъ въ немъ неурядицъ. Но не смотря на всѣ эти мѣропріятія, вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи до настоящаго времени можетъ считаться открытымъ. Не вдаваясь въ объясненіе другихъ причинъ, обуславливающихъ такое положеніе вопроса, я полагаю, что одной изъ главныхъ служитъ отсутствіе надлежащей *теоретической* разработки вопроса о крымско-татарскомъ землевладѣніи.

Въ самомъ дѣлѣ, обширной практической разработкѣ этого вопроса не соотвѣтствуетъ *теоретическое* его изученіе, изученіе, которое, основываясь на научномъ изслѣдованіи, указало бы основы его существованія и ходъ постепеннаго развитія, выяснило бы его, такъ сказать, *raison d'être* и этимъ самымъ дало бы надлежащую почву для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ къ правильному его разрѣшенію.

Обращаясь къ богатой сравнительно исторической литературѣ о Крымѣ, мы видимъ, что вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи весьма мало изслѣдованъ. Изъ числа многихъ трудовъ по исторіи Крыма можно указать лишь на два, въ которыхъ отведено извѣстное мѣсто вопросу о крымско-татарскомъ землевладѣніи. Первымъ по времени подобнымъ трудомъ является „Исторія царства Херсонеса Таврическаго“ Богуша-Сестренцевича, изданная въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ немъ приблизительно на двухъ страницахъ

(400—401 стр.), помѣщено нѣсколько замѣчаній о поземельномъ устройствѣ Крыма въ періодъ татарскаго владычества. Эти замѣчанія—самаго общаго характера и имѣютъ цѣлью указать на существованіе въ Крымскомъ ханствѣ *леннаго* устройства. Но какъ развилась означенная поземельная форма, какой видъ она приняла и исключительно ли она одна существовала въ ханствѣ—изъ „Исторіи“ Богуша не видно.

Вторымъ по времени трудомъ, касающемся вопроса о крымско-татарскомъ землевладѣніи, является капитальная работа по исторіи Крымскаго ханства, принадлежащая профессору С.-Петербургскаго Университета В. Д. Смирнову. Во 2 части своего труда „*Крымское ханство подъ верховенствомъ Османской Порты*“, почтенный авторъ въ заключеніи указываетъ результаты, достигнутые въ культурномъ отношеніи татарами, и, между прочимъ, даетъ нѣкоторые указанія о поземельномъ устройствѣ Крыма послѣ присоединенія его къ Россіи. Къ сожалѣнію, авторъ, задавшись цѣлью изслѣдовать собственно политическую исторію ханства подъ верховенствомъ Османской Порты, оставляетъ безъ отвѣта вопросъ о поземельномъ его устройствѣ.

Такимъ образомъ, въ историческихъ сочиненіяхъ о Крымѣ заключается весьма мало матеріала по исторіи нашего вопроса. Если отъ общихъ историческихъ работъ мы перейдемъ къ частнымъ изслѣдованіямъ, то найдемъ, что вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи является въ нихъ сравнительно болѣе разработаннымъ, хотя число работъ, посвященныхъ специально этому вопросу, такъ же ограничено. Такихъ работъ мы имѣемъ собственно говоря—двѣ. Изъ нихъ болѣе ранняя по времени принадлежитъ О. Хартахаю и была напечатана въ II т. Вѣстника Европы за 1866 и 1867 г. подъ названіемъ: „*Историческая судьба Крымскихъ татаръ*“. Въ этой статьѣ авторъ, занявшись изслѣдованіемъ бытовой стороны Крымскаго ханства, первый обратилъ вниманіе на поземельное его устройство и между прочимъ отмѣтилъ ту землевладѣльческую форму, названную имъ феодальной, которая составляетъ одну изъ наиболѣе оригинальныхъ формъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Но, изслѣдовавъ подробно эту форму, авторъ, къ сожалѣнію, оставилъ безъ надлежащаго вниманія остальные. Вотъ почему трудъ Хартахаю при всемъ его значеніи для изученія внутренняго быта Крымскаго ханства не исчерпываетъ собою вопроса о поземельномъ устройствѣ Крыма и лишь отчасти его рѣшаетъ.

Гораздо обширнѣе и полнѣе изслѣдованъ вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи Г. О. Блюменфельдомъ въ его историко-юридическомъ очеркѣ „*Крымско-татарское землевладѣніе*“ (Одесса, 1888 года, 1+112 стр.). Въ этомъ очеркѣ авторъ старается объять вопросъ возможно шире и потому

разсматриваетъ крымско-татарское землевладѣніе не съ одной какой-либо стороны, а со всѣхъ сторонъ, въ томъ видѣ, какъ оно выработалось въ Крымскомъ ханствѣ и какъ затѣмъ установилось въ Крыму послѣ присоединенія его къ Россіи. Авторъ не только указываетъ разныя формы и виды крымско-татарскаго землевладѣнія, но, что всего важнѣе въ научномъ отношеніи, приводитъ и указанія по *исторіи* происхожденія означенныхъ формъ. Съ этой точки зрѣнія работа г. Блюменфельда должна быть поставлена въ числѣ первыхъ по разработкѣ нашего вопроса. Съ другой стороны, нельзя не признать, что Очеркъ Блюменфельда, составляя первый опытъ историко-юридическаго изученія вопроса, далеко его не исчерпываетъ. Отсутствие матеріала, которымъ можно воспользоваться только на мѣстѣ, въ Крыму (помощь мѣстныхъ архивовъ, въ которыхъ содержатся первоисточники по изученію нашего вопроса, и наблюденія современной жизни для знакомства съ „пережитками“), лишилъ автора возможности надлежащимъ образомъ обосновать свой Очеркъ и поддержать его документальными указаніями. Вотъ почему Очеркъ составленъ въ общихъ чертахъ, какъ бы въ видѣ конспекта, и фактически мало разработанъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые положенія автора приходится принимать на вѣру. Кромѣ того о вліяніи мусульманскаго права (*шариата*) на укладъ поземельнаго строя въ Крымскомъ ханствѣ ничего не сказано, какъ равно упущены изъ виду двѣ поземельныя формы, существовавшія въ ханствѣ—*доменъ* турецкаго султана и *кагаллыкъ*. О другой поземельной формѣ, извѣстной подъ названіемъ *вакфъ* (*вакуфъ*)—*адетъ*, только упомянуто. Равнымъ образомъ авторъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній по исторіи землевладѣнія въ Крыму въ періодъ времени съ 1783 по 1802 г., и такимъ образомъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ въ исторіи землевладѣнія въ Крыму послѣ присоединенія его къ Россіи остается безъ отвѣта. Не смотря однако на эти пробѣлы, трудъ г. Блюменфельда служить единственнымъ трудомъ, гдѣ вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи болѣе или менѣе изслѣдованъ. Что касается другихъ работъ, то слѣдуетъ указать на *Курсъ Гражданскаго Права* К. Побѣдоносцева. На 604—605 стр. этого обширнаго труда повторяются положенія, высказанныя Хартахаемъ о поземельномъ устройствѣ Крымскаго ханства, и сверхъ того приводится резюме Правилъ, данныхъ Коммиссіи, Высочайше учрежденной 19 мая 1802 г., для разбора споровъ по землямъ въ Крыму и опредѣленія повинностей.

Остальныя работы, на которыя указываю ради полноты библиографическаго обзора, почти всѣ представляютъ изъ себя статьи для періодической печати и потому могутъ имѣть значеніе скорѣе въ публицистическомъ, чѣмъ въ научномъ отношеніи. Изъ числа этихъ статей одна лишь статья Воро-

понова, появившаяся въ мартовской книгѣ Вѣстника Европы за 1888 годъ подъ названіемъ „*Среди Крымскихъ татаръ*“, заключаетъ въ себѣ небольшія указанія, имѣющія отношеніе къ исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. Прочія статьи затрогиваютъ тотъ или другой вопросъ изъ области современной жизни. Такъ статья С. „*Къ вопросу объ обезпеченіи быта безземельныхъ татаръ Крыма*“, помѣщенная въ №№ 39—41 газеты „Крымъ“ за 1889 г., рисуетъ хозяйственное положеніе безземельныхъ татаръ въ Крыму и предлагаетъ мѣры къ устраненію безземелья татаръ путемъ отдачи имъ въ пользованіе казенныхъ земель, причемъ недостатокъ казенныхъ земель авторъ рекомендуетъ восполнить секуляризацией вакуфовъ въ Крыму. Другая статья „*Крымъ и Крымскіе татары*“, принадлежащая Гольденбергу и помѣщенная въ ноябрьской книгѣ Вѣстника Европы за 1883 г., трактуетъ о той же необходимости надѣленія татаръ землей и указываетъ на заботы таврическаго земства о поднятіи экономическаго благосостоянія края. Засимъ идетъ рядъ статей, появившихся въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“, главнымъ образомъ за 1892—93 г., и разсматривающихъ съ той или другой стороны вопросъ о крымско-татарскомъ землевладѣніи¹⁾.

Въ заключеніе настоящей библиографической справки укажемъ статью, помѣщенную въ № 2 „Морскаго Сборника“ за 1863 годъ подъ заглавіемъ — „*Землевладѣніе въ Крыму со времени присоединенія его къ Россіи и генеральная межевая коммисія*“ (142—145 стр.), и нѣсколько статей А. Завадовскаго, напечатанныхъ въ его сборникѣ „Сто лѣтъ жизни Тавриды“ (Симф., 1885 г.) и заключающихъ въ себѣ небольшія свѣдѣнія по исторіи поземельнаго устройства Крыма послѣ присоединенія его къ Россіи.

Вотъ весь матеріалъ, которымъ располагаетъ литература вопроса о крымско-татарскомъ землевладѣніи. Такимъ образомъ она оказывается весьма бѣдной, а самый вопросъ — совершенно неразработаннымъ.

Съ цѣлью сколько-нибудь подвинуть впередъ разработку этого вопроса и обнародовать относящійся къ нему матеріалъ, извлеченный изъ мѣстныхъ архивовъ, я рѣшился издать настоящій *Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія*.

Этотъ очеркъ задуманъ болѣе 12 лѣтъ тому назадъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ мѣстными архивами. Занявшись ими, въ надеждѣ найти подходящій матеріалъ для какихъ-либо историческихъ изысканій, я натолкнулся

¹⁾ Таковы напр.: 1) „Что такое вакуфъ?“ № 221 за 1889 г.; 2) „Крымскіе татары и ихъ поземельный вопросъ“, №№ 206, 208, 212 за 1893 г.; 3) „О формахъ татарскаго землевладѣнія въ Крыму“, №№ 23 и 24 за 1892 г. и др.

на обширный матеріалъ по бытовой исторіи и—въ частности, по исторіи землевладѣнія въ Крыму. Благодаря этому обстоятельству и потребности въ теоретическомъ изученіи того вопроса, который такъ усердно практически разрабатывается, я началъ знакомиться съ означеннымъ матеріаломъ, заключающимся въ архивахъ: Таврическаго Губернскаго Правленія, Канцеляріи Таврическаго Губернатора, Таврическаго Дворянскаго Собранія, сосредоточеннаго архива упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Таврической губерніи и архива бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ. Плодомъ перваго моего знакомства съ этими архивами были два реферата, читанные на VI Археологическомъ Сѣздѣ въ Одессѣ въ 1884 году: 1) „О землевладѣніи въ Крыму до и послѣ присоединенія къ Россіи“¹⁾ и 2) „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“²⁾. Изъ нихъ первый представлялъ собою конспектъ для руководства въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, начатыхъ мною въ архивахъ, а второй посвященъ изслѣдованію вопроса объ одной изъ поземельныхъ формъ, существовавшей въ Крымскомъ ханствѣ подъ названіемъ *бейлика*. Вслѣдъ за симъ въ 1887 году мною были обнародованы данныя, извлеченныя изъ мѣстныхъ архивовъ о существованіи сельской общины въ Крымскомъ ханствѣ³⁾.

Нынѣ, объединяя въ одно цѣлое предшествовавшія свои работы по изслѣдованію архивнаго матеріала, относящагося къ исторіи землевладѣнія въ Крыму, попытаюсь предложить въ настоящемъ Очеркѣ систематическій обзоръ всѣхъ формъ крымско-татарскаго землевладѣнія и исторіи ихъ развитія. Сообразно намѣченному плану, Очеркъ долженъ заключать въ себѣ три части. Въ первой части будутъ изслѣдованы начала, послужившія причиною образованія тѣхъ или другихъ формъ крымско-татарскаго землевладѣнія, и, слѣдовательно, первая часть должна содержать въ себѣ *исторію* образованія поземельнаго строя въ Крымскомъ ханствѣ. Во второй—разматривается самый поземельный строй въ томъ видѣ, какъ онъ выработался къ концу исторической жизни ханства, и въ третьей—излагается исторія землевладѣнія въ Крыму послѣ присоединенія его къ Россіи.

Что касается матеріала, которымъ я пользовался при составленіи настоящаго Очерка, то онъ раздѣляется на двѣ части. Первая заключаетъ въ

¹⁾ Труды VI Археологическаго Сѣзда въ Одессѣ, т. I, Одесса, 1886 г. LXV стр.

²⁾ Ibid., т. IV, 96—110 стр.

³⁾ „Сельская Община въ Крымскомъ ханствѣ“. Симферополь, 1887 года. Рецензія на нее въ августовской книгѣ „Русской Мысли“ за 1887 и въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 г., 1-я кн., 11—16 стр.

себѣ извлеченный мною архивный матеріалъ, нигдѣ не изданный, вторая — разный печатный матеріалъ въ видѣ источниковъ и пособій. Перваго рода матеріалъ состоитъ, во 1-хъ, изъ документовъ, уцѣлѣвшихъ въ мѣстныхъ архивахъ отъ времени ханскаго владычества въ Крыму, и, во 2-хъ, изъ документовъ, относящихся ко времени послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, — т. е. послѣ 1783 года.

I. Матеріалъ, уцѣлѣвшій отъ времени ханскаго владычества въ Крыму, сравнительно не богатый. Онъ заключаетъ въ себѣ, во 1-хъ, *ханскіе ярлыки* и *султанскіе фирманы*, уцѣлѣвшіе частью въ оригиналѣ, частью въ копіи при дѣлахъ о дворянствѣ мурзъ въ архивѣ Таврическаго Дворянскаго Собранія. Всѣ эти документы въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія были представлены мурзами, искавшими права руссійскаго дворянства, въ мѣстное Дворянское Депутатское Собраніе, гдѣ документы переводились на русскій языкъ и затѣмъ провѣрялись въ Азіатскомъ Департаментѣ М. И. Д. Къ сожалѣнію, не всѣ документы оказались провѣренными. Среди нихъ есть такіе, которые хотя и были приняты въ соображеніе при утвержденіи владѣльцевъ ихъ въ правахъ дворянства, однако по невѣрности перевода оказались для цѣлей моей работы совершенно неудовлетворительными. Чтобы воспользоваться ихъ указа- ніями, пришлось возстановить ихъ, для чего я воспользовался обязательнымъ содѣйствіемъ члена Таврической Ученой Архивной Коммиссіи Муратъ бей Біярсланова (нынѣ покойнаго), пріобрѣвшаго долготѣней практикой, въ качествѣ присяжнаго переводчика Таврическаго Магометанскаго Духовнаго Правленія, достаточную опытность въ переводѣ татарскихъ документовъ на русскій языкъ. Часть ярлыковъ и фирмановъ, переведенныхъ Біярслановымъ, а равно тѣ, которые были провѣрены извѣстнымъ знатокомъ татарскаго языка Я. О. Ярцовымъ, состоявшимъ въ 30-хъ годахъ первымъ драгоманомъ при Азіатскомъ Департаментѣ, помѣщены мною въ прилагаемомъ ниже *Сборникъ* документовъ въ виду того, что эти документы нигдѣ не напечатаны, а между тѣмъ для изученія вопроса имѣютъ существенное значеніе. Они заключаютъ въ себѣ документальныя указанія по исторіи развитія въ Крымскомъ ханствѣ помѣстнаго землевладѣнія, а также — указанія для территоріальнаго опредѣленія той или другой поземельной формы, существовавшей въ ханствѣ. Кроме того, въ *Сборникъ* помѣщаю переводы двухъ грамотъ Сафа-Гирея 1718 г., любезно сдѣланные профессоромъ С.-Петербургскаго Университета В. Д. Смирновымъ. Во 2-хъ, къ указанному выше архивному матеріалу относятся разные документы, какъ-то — *крѣпостныя и дарственныя записи* (худжеты), *судебныя рѣшенія* по земельнымъ спорамъ и *раздѣльныя акты*, сохранившіеся отъ времени ханскаго владычества въ Крыму въ особыхъ книгахъ, т. н. *кадіаскерскихъ* (*казыскерскихъ*) *дефтерахъ* (или *саккахъ*). По

внѣшности эти книги напоминаютъ отчасти наши *столбцы*, хранящіеся въ центральныхъ архивахъ Москвы, — изъ плотной бумаги, около восьми вершковъ длины и четырехъ вершковъ ширины, отъ 100 до 300 листовъ толщины, въ кожаныхъ переплетахъ. Каждая имѣетъ надпись того кадіаскера, которому принадлежала, и носитъ дату правленія того или другого хана. Съ внутренней стороны дефтеръ — журналъ, въ который кадіаскеръ записывалъ совершаемые имъ разные крѣпостные акты, документы, обязательства и куда заносилъ вкратцѣ рѣшенія свои по тѣмъ или другимъ спорамъ и тяжбамъ, а равно духовныя завѣщанія и раздѣлы имуществъ. Какъ ни простой казалась гражданская жизнь крымскихъ татаръ, тѣмъ не менѣе такихъ книгъ должно было бы много сохраниться изъ ханскаго архива, ибо, не смотря на полное уничтоженіе ханскаго архива,¹⁾ послѣднему ханскому казнадарю Мегметъ-агѣ удалось сохранить часть вышеозначенныхъ дефтерей и передать ихъ въ распоряженіе русскаго начальства. Когда засимъ въ 1799 г. открыта была первая коммиссія для разбора поземельныхъ споровъ въ Крыму, то эти книги были потребованы изъ архива Новороссійскаго Губернскаго Правленія, гдѣ онѣ хранились, и таковыхъ оказалось 122²⁾. Прележавъ безъ пользы въ первой коммиссіи, онѣ были переданы во вторую коммиссію, учрежденную 19 мая 1802 года. Но и здѣсь ими не воспользовались, вслѣдствіе чего онѣ были сданы въ архивъ Таврическаго Областнаго Правленія. Отыскавъ ихъ въ этомъ архивѣ, я обратился за содѣйствіемъ къ тому-же Біярсланову. Послѣдній занялся ихъ переводомъ, выбирая изъ нихъ наиболѣе необходимыя для меня документы. Часть этихъ документовъ мною уже обнародована въ 1887 г. въ „Сельской общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ“³⁾. Нынѣ въ предлагаемомъ ниже *Сборникѣ* помѣщаю изъ числа переведенныхъ Біярслановымъ и нигдѣ не обнародованныхъ документовъ — *шесть* ханскихъ ярлыковъ и фирмановъ,⁴⁾ *двадцать* купчихъ и дарственныхъ записей на землю, *тридцать семь* судебныхъ рѣшеній по земельнымъ спорамъ и *тринадцать* раздѣльныхъ актовъ на недвижимую собственность⁵⁾.

¹⁾ При взятіи Бахчисарая Минихомъ въ 1736 г. ханскій архивъ и бібліотека погибли. См. записки Манштейна. Дѣлопроизводство съ 1736 г. погибло вѣроятно при покореніи Крыма.

²⁾ 100 — собственно кадіаскерскихъ, остальные 22 — кадійскія, преимущественно Бахчисарайскаго и Гёзлевскаго (Евпаторійскаго) каймаканствъ.

³⁾ См. 5—24 стр.

⁴⁾ Эти ярлыки и фирманы попали въ кадіаскерскія дефтеры потому, что, какъ увидимъ ниже, относятся къ поземельному вопросу.

⁵⁾ Изъ тѣхъ же дефтерей покойный Біярслановъ напечаталъ въ №№ 7—10 „Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи“ тринадцать разныхъ документовъ и одинъ фирманъ турецкаго султана Мухамеда 1652 г. Крымскому Митрополиту Давиду.

Оставляя объясненія по поводу виѣшней стороны этихъ документовъ и способа ихъ изданія до надлежащаго мѣста, укажу въ нѣсколькихъ словахъ на то значеніе, какое они имѣютъ для моей работы. Самое перечисленіе означенныхъ документовъ показываетъ, что они непосредственно относятся къ исторіи землевладѣнія въ Крымскомъ ханствѣ, ибо всѣ они имѣютъ предметомъ содержанія поземельную собственность. Она фигурируетъ въ нихъ то въ видѣ частнаго землевладѣнія, то общиннаго, то въ видѣ особаго института, выработавшагося подъ воздѣйствіемъ тѣхъ или другихъ началъ, нормировавшихъ общественный строй ханства, и т. д. Однимъ словомъ, какъ ни незначительно число помѣщаемыхъ ниже документовъ, тѣмъ не менѣе они даютъ весьма цѣнные указанія по тому или другому вопросу изъ исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. Въ особенности же важны судебскія рѣшенія, большинство которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, содержатъ любопытныя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ ханствѣ. Къ числу издаваемыхъ мною въ *Сборникъ* документовъ, сохранившихся отъ времени ханскаго владычества въ Крыму, слѣдуетъ еще прибавить одинъ крѣпостной актъ и два раздѣла, составляющіе переводъ Ярцова.

II. Гораздо богаче архивный матеріалъ, относящійся къ періоду русскаго владычества въ Крыму. Здѣсь на первомъ планѣ мы имѣемъ: 1) *дѣлопроизводство Коммиссіи*, Высочайше учрежденной 19 мая 1802 г. для разбора земельныхъ споровъ въ Крыму, оставившей за восемь лѣтъ своей дѣятельности массу дѣлъ и книгъ въ архивѣ нынѣшняго Таврическаго Губернскаго Правленія. Изъ означеннаго матеріала особенно важны для исторіи землевладѣнія въ Крыму—*Камеральное описаніе дачамъ Крыма*, составленное въ 1802 г., и 25 книгъ, заключающихъ въ себѣ 406 *протоколовъ засѣданій Коммиссіи*, а также *ея рѣшенія* по земельнымъ тяжбамъ. Въ *Камеральномъ описаніи* мы имѣемъ списокъ земель, образовавшихъ въ Крыму новый видъ поземельной собственности, а въ книгахъ—рѣшенія земельныхъ споровъ, слѣдовательно—основы, на которыхъ должно быть построено землевладѣніе въ Крыму. Перваго рода документъ я нашелъ возможнымъ помѣстить въ прилагаемомъ ниже *Сборникъ*. Что же касается протоколовъ и рѣшеній Коммиссіи, то я ограничился печатаніемъ лишь двухъ извлеченій изъ нихъ, въ виду того, что оба эти извлеченія заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о землевладѣніи въ Крыму въ періодъ существованія ханства,—и ссылкой въ своей работѣ на тѣ или другія рѣшенія. Печатать же всѣ протоколы и рѣшенія нѣтъ возможности,—настолько они громадны.

Что же касается другихъ дѣлъ и бумагъ Коммиссіи, то изъ числа ихъ помѣщаю въ своемъ *Сборникъ*, въ видѣ извлеченій важнѣйшихъ бумагъ, лишь тѣ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ дѣятельности самой Коммиссіи,

пбо дѣятельность ея имѣть, какъ мы увидимъ ниже, важное значеніе въ исторіи нашего вопроса. Таковы извлеченія изъ дѣлъ: 1) объ учрежденіи въ Крымскомъ полуостровѣ Коммисіи для разбора споровъ по землямъ и опредѣленіи повинностей и упражненіи; 2) по предложенію Предсѣдательствующаго о повинностяхъ татаръ въ Таврической губерніи; 3) объ оцѣнкѣ земель и повинностей татаръ; 4) по представленію г. Министру съ испрошеніемъ разрѣшеній о дѣлахъ, продолжающихъ существованіе Коммисіи; 5) по объясненіямъ выбранныхъ въ Коммисію отъ помѣщиковъ христіанскаго закона депутатовъ о розданныхъ въ Крыму помѣщикамъ землямъ; 6) по прошенію, поданному на Высочайшее имя помѣщикомъ Черновымъ по довѣренности отъ другихъ Крымскихъ помѣщиковъ; 7) о истребованіи отъ Акмечетскаго уезднаго и земскаго судовъ свѣдѣній: представлены ли были на татарскомъ діалектѣ документы на земли для обрѣвизованія и учиненія на нихъ надписей въ Палату Гражданскаго Суда и 8) по письму Дюка де-Ришелье о снятіи земель въ Крыму и составленіи онымъ плана и вѣдомости землепрами Коммисіи. Такія же извлеченія сдѣланы изъ книги о предметахъ, по коимъ Коммисія испрашивала разрѣшеніе отъ Начальства. Наконецъ въ дѣлѣ Коммисіи подъ № 127 найдены четыре вѣдомости о всѣхъ селеніяхъ съ показаніемъ въ которой волости сколько числомъ дворовъ и душъ и на чьей землѣ поселеніе имѣютъ, которыя цѣликомъ помѣщаются въ Сборникъ въ виду ихъ значенія въ статистическомъ отношеніи.

2) Кромѣ дѣлопроизводства Коммисіи, въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора найдено нѣсколько дѣлъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія по исторіи землевладѣнія въ Крыму въ періодъ съ 1783 по 1799 г. и между прочимъ—по вопросу о необходимости разбора земельныхъ споровъ въ Крыму и учрежденія съ этой цѣлью особой коммисіи. Изъ такихъ дѣлъ оказалось необходимымъ помѣстить въ извлеченіяхъ слѣдующія дѣла: 1) по предложенію генералъ-поручика Хорвата о защищеніи и храненіи лицъ и имуществъ древнихъ обитателей Тавриды татаръ и иныхъ націй и о учрежденіи для разбора земель коммисіи (сентября 15 дня 1796 г.); 2) по Высочайшему указу о разсмотрѣніи жалобъ разныхъ владѣльцевъ и татаръ крымскихъ въ неправильномъ отобраніи ихъ земель и о учрежденіи для того коммисіи (декабря 15 дня 1797 г.); 3) по предложеніямъ господъ военныхъ губернаторовъ Каховскаго и Михельсона и по указу Правительствующаго Сената о учрежденіи коммисіи для разбора споровъ по землямъ и объ ассигнованіи суммы на содержаніе секретаря, переводчика и канцелярскихъ. (1798 года).

3) Наконецъ, не менѣе интересными для изученія нашего вопроса яв-

ляются два документа. Первый изъ нихъ находится въ архивѣ Таврическаго Губернскаго Правленія, извѣстенъ подъ названіемъ: *Камеральное описаніе землямъ и садамъ послѣ вывода христіанъ и вытѣхавшихъ за границу мурзъ и поступившимъ въ казну*, и составленъ въ 1787 году бывшимъ откупщикомъ ханскихъ доходовъ при послѣднемъ ханѣ Шагинъ-Гирей Абдуль-Хамитъ агой и чиновникомъ Караценовымъ. Второй документъ хранится въ историческомъ архивѣ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, куда переданъ Межевымъ Департаментомъ, и заключаетъ *Вѣдомости о розданныхъ и нерозданныхъ казенныхъ земляхъ по Таврической области 1794 г.* Въ первомъ мы имѣемъ указанія на мѣстопахожденіе той или другой формы поземельной собственности въ Крымскомъ ханствѣ и на образованіе новыхъ формъ по присоединеніи его къ Россіи, во второмъ—наиболѣе точныя данныя о числѣ земель въ Крыму какъ розданныхъ, такъ и остававшихся въ казенномъ вѣдомствѣ. Вотъ почему необходимо было помѣстить оба эти документа въ *Сборникъ*, при чемъ, въ виду большого объема „Камеральнаго описанія“, пришлось ограничиться лишь указаніями мѣстностей, гдѣ находились земли и сады, указанія же, кому они принадлежали—выпустить.

Не буду указывать на остальные архивныя дѣла, на которыя я ссылаюсь въ своей работѣ. Кромѣ одного или двухъ какихъ-либо указаній они не имѣютъ другого отношенія къ дѣлу, и потому, само собою разумѣется, не вошли въ *Сборникъ*.

Изложеннымъ исчерпывается весь архивный матеріалъ по исторіи нашего вопроса, который еще не изданъ въ свѣтъ.

Но кромѣ этого матеріала необходимо было воспользоваться также и такимъ архивнымъ матеріаломъ, который уже изданъ. Таковы: во 1-хъ, нѣсколько ярлыковъ крымскихъ хановъ въ переводѣ Григорьева, Березина и Ярцова, помѣщенныхъ въ I, II и VIII т.т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“. Одни изъ нихъ относятся къ разряду жалованныхъ и жалуютъ ту или другую землю, другіе—освобождаютъ какое либо лицо или общество отъ извѣстныхъ повинностей, почему эти ярлыки, подобно тѣмъ, которые помѣщаются ниже въ *Сборникъ*, имѣютъ непосредственное отношеніе къ исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. Во 2-хъ, весьма важное значеніе для знакомства съ исторіей землевладѣнія въ Крыму какъ до присоединенія, такъ и послѣ присоединенія къ Россіи имѣютъ Высочайше утвержденныя 19 мая 1802 г. *Правила*, данныя Коммиссіи для *разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крыму*, и *Дополненіе* къ нимъ 23 апрѣля 1804 года, обнародованныя въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ №№ 20276 и 21275. Въ 3-хъ, весьма важны для исторіи землевладѣнія въ Крыму послѣ присоединенія Крыма къ Россіи законодательныя

акты, заключающіеся въ Полномъ Собраніи Законовъ¹⁾. Наконецъ, въ 4-хъ, указанія для изученія экономическаго положенія Крыма во время присоединенія его къ Россіи любопытныя данныя содержатся въ *Камеральномъ описаніи Крыма* 1784 г., составл. ген.-м. барономъ Игельстромомъ и напечатанномъ мною въ №№ 2, 3, 4, 6, 7 и 8 *Извѣстій Тавр. Уч. Арх. Ком.*

Не смотря на обиліе архивнаго матеріала въ количественномъ отношеніи, въ качественномъ отношеніи онъ далеко не оправдываетъ возлагаемыхъ надеждъ. Онъ не даетъ ничего систематичнаго и цѣльнаго по исторіи вопроса. Свѣдѣнія, доставляемыя имъ, довольно отрывочныя и для объединенія ихъ требуется много труда и времени, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній нуждаются въ провѣркѣ, что при громоздкости матеріала довольно затруднительно. Само собою понятно, что отсутствіе систематическихъ указаній и сложность работы по объединенію и провѣркѣ этого матеріала не могли не отозваться на качествѣ работы.

Что касается пособій, которыми я пользовался при составленіи настоящаго Очерка, то, кромѣ упомянутыхъ мною выше работъ, всѣ остальные можно раздѣлить на двѣ части. Первая заключаетъ въ себѣ пособія, относящіяся къ періоду, начиная съ древнихъ временъ и кончая присоединеніемъ Крыма къ Россіи; вторая—пособія періода, слѣдующаго за присоединеніемъ Крыма.

I. Къ первой относятся: 1) пособія для знакомства съ *внутренней организаціей и бытомъ монголо-татаръ*. Главное мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи: *Очеркъ внутреннего устройства Улуса Джучіева*, И. Березина (въ 8 ч. Трудовъ Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ.), *Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды*, (*Извлеченія изъ сочиненій Арабскихъ*), барона В. Тизенгаузена (Спб. 1884 г.), *Исторія монголовъ*, Рашидъ-Эддина (перев. И. Березина въ Зап. Импер. Русск. Арх. Общ., т. XIV) и *Записки о Монголіи* монаха Іакинфа. За ними слѣдуютъ описанія путешествій къ татарамъ Плано Карпини (въ *Собраніи путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII—XIV*, 1 ч., Д. Языкова, 1825); Рубруквиса—*Relation des voyages en Tartarie par G. de Rubruquis*, Bergeron и Марко-Поло—*Путешествіе по татаріи и другимъ странамъ Востока* (Спб. 1873) и современное описаніе монголовъ Н. Пржевальскаго въ его—*Третьемъ путешествіи въ центральную Азію и въ Монголію и страны Тунгутовъ* (т. I. Спб. 1875 г.) а также Е. Тимковскаго въ его *Путешествіи въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821*, ч. I—III. (Спб. 1824). Для сравни-

¹⁾ Рескриптъ Екатерины II на имя Новор. ген.-губ. гр. Зубова 16 сентября 1796 г. не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ и потому помѣщается мною въ *Сборникъ*.

тельного же изученія быта монголо-татаръ важнымъ пособіемъ служить трудъ профессора О. И. Леонтовича „*Калмыцкое право*“. (Одесса, 1880 г.).

Кромѣ того по исторіи монголо-татаръ вообще кромѣ вышеупомянутыхъ исторіи монголовъ Рашидъ-Эддина и записокъ Іакинфа служатъ пособіями: *Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi-Béhâdour-Khan (publié par le baron Desmaison T. I et II. Spbrg. 1871, 1874), *Шейбаниада*, *Исторія монголо-тюрковъ*, И. Березина (въ библіотекѣ Вост. Ист. т. I, Казань, 1849 г.), *Исторія монголовъ* (перев. съ перс. Спб. 1834 г.), *Histoire des Mongols de la Perse*, Quatremère, Paris, 1839 и др.

Для изученія собственно *правовой* стороны быта монголо-татаръ, кромѣ ясы Чингизовой, сохранившейся въ исторіи Рашидъ-Эддина, у Гаммера и въ „Путешествіи“ Тимковского и служащей главнымъ пособіемъ, имѣются еще нѣкоторыя свѣдѣнія въ т. наз. „*Калмыцкіе постановленія*“, изданныхъ профессоромъ О. И. Леонтовичемъ въ его трудѣ: „*Древній монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ възысканій*“¹⁾ (Одесса, 1879 г.).

II. Для знакомства съ бытовой исторіей татаръ въ періодъ существованія Крымскаго улуса и ханства, съ цѣлью опредѣлить факторы, послужившіе причиною образованія тѣхъ или другихъ поземельныхъ формъ, пособіями служатъ: а) *документы*, въ которыхъ заключаются оффиціальныя, такъ сказать, указанія на тѣ или другіе распоряжки внутреннего устройства ханства. Сюда относятся, во 1-хъ, *статейные* списки русскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ въ Крымъ, сообщавшихъ въ отчетахъ о своей дипломатической миссіи, между прочимъ, массу интересныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о Крымѣ. Помимо списковъ, обнародованныхъ Г. О. Карповымъ въ 41 т. Сборн. Русск. Истор. Общ., и двухъ статейныхъ списковъ московскихъ посланниковъ въ Крымъ—въ 1587—1588 г. Ивана Судакова и въ 1593 г. Семена Безобразова, напечатанныхъ мною въ 14 и 15 №№ „Изв. Таврич. Архивн. Ком.“ я воспользовался еще двумя списками. Одинъ отпечатанъ во II т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ и содержитъ въ себѣ *статейный списокъ* стольника Василья Тяпкина и дьяка Зотова къ крымскому хану Мурадъ Гирею въ 1681 году; другой, заключающій въ себѣ списокъ Московскаго гонца подъячаго Василія Айтемира въ 1692—1695, приготовленъ къ печатанію профессоромъ Новороссійскаго университета Ал. И. Маркевичемъ²⁾. Во 2-хъ, *шертныя* (договорныя) грамоты крымскихъ хановъ

¹⁾ Рукопись барона Бюлера, содержащая въ себѣ древнія Калмыцкія постановленія хранится въ библіотекѣ Москов. Главн. Архива М. И. Д. подъ № 93.

²⁾ Рефератъ, читанный профессоромъ Маркевичемъ на VIII Археологическомъ Сѣздѣ въ Москвѣ по поводу означеннаго списка, напечатанъ въ

и записи ихъ пословъ, въ которыхъ имѣется напр. документальное указаніе на политическое значеніе владѣльцевъ крупной поземельной собственности въ ханствѣ, или беевъ. Грамоты эти изданы съ моимъ предисловіемъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіей въ 9—12 №№ ея „Извѣстій“.

б) *Описанія* современниковъ, сохранившихъ въ своихъ запискахъ цѣнныя указанія по бытовой исторіи ханства. Таковы записки бургундскаго рыцаря Жильберта де-Ланнуа (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. III, 431—465 стр.), посѣтившаго Крымъ въ 1421 г., и венеціанца Юсафата Барбаро, долго жившаго въ Танѣ или Азовѣ въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія (*Путешествіе I. Барбаро*. Пер. Семенова, Вибл. Иностр. Писат. т. I). Далѣе, *Описаніе Крыма* 1578 Мартина Броневскаго (въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. Т. VI, 333—367 стр.); *Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ* Жана де Люка (тамъ же, Т. XI, 473—493 стр.). Наконецъ, слѣдуютъ описанія и записки о Крымѣ, относящіяся къ XVIII столѣтію. Таковы описанія Крыма: Пейссоннеля—*Traité sur le commerce de la mer Noire*. Paris, 1787; Тунманна—*Description de la Crimée. Trad. de l'allemand. (Strasbourg. 1786)*; Фармадеони—*Histoire philosophique et politique du commerce, de la navigation et des colonies des anciennes dans la mer Noire*. 2 vol. (Venise 1789. Paris, 1792. 2 v. Фр. пер.); Клеемана—*Путешествіе изъ Вѣны въ Бѣлградъ и Новую Килію, такожъ въ земли Буджатскихъ и Ногайскихъ татаръ и во весь Крымъ, съ возвратомъ чрезъ Константинополь, Смирну и Триестъ въ Австрію въ 1768—1770. Перев. И. Одинцовымъ* (Спб. 1783 г.) и барона де Тотта, бывшаго въ 1767 г. французскимъ консуломъ въ Крыму,—*Mémoires sur les Turcs et les Tartares*. (Maestricht, I et II, 1785 г.).

в) Для изученія *внѣшней* стороны исторіи Крымскаго ханства кромѣ упомянутыхъ выше—труда проф. Смирнова: *Крымское ханство подъ верховенствомъ Османской Порты и Исторіи царства Херсонеса Таврійскаго* Богуша-Сестренцевича пособіями служили также *Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму* Н. Мурзакевича (Одесса, 1837 г.), *Исторія Крымскихъ хановъ*, перев. съ тур. рукописи Негри въ I т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.,—а также общезвѣстные труды по исторіи Россіи.

г) Наконецъ для знакомства съ *юридическимъ* бытомъ Крымскаго ханства я воспользовался слѣдующими пособіями. Въ основу знакомства легъ Коранъ, составляющій, какъ извѣстно, основу мусульманскаго законодательства. Засимъ слѣдовали выдержки изъ двухъ наиболѣе употребительныхъ въ

9 № Извѣстій Тавр. Уч. Архивн. Комм. подъ заглавіемъ: „Пребываніе въ Крыму московскаго гонца подъячаго Василія Айтемирева въ 1692—1695 году“.

Крымскомъ ханствѣ законодательныхъ сводовъ — *Мультеки и Гидайета*¹⁾, первый въ извѣстномъ трудѣ ориенталиста Д'Оссона: *Tableau générale de l'empire Ottoman, par de M. D'Ohsson, publié par M. M. D'Ohsson, fils de l'auteur, en V v.* (Paris MDCCCXXIV), второй — въ *Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans*, par M. Worms, (Paris, 8°, 1846); далѣе — *Основныя начала мусульманскаго права согласно ученію имамовъ Абу Ханифы и Шафиъ*, Фанъ-денъ-Берга, (Спб. 1882); *О правѣ собственности по мусульманскому законодательству*, барона Н. Торнау, (Спб. 1882 г.) и *Особенности мусульманскаго права*, барона Н. Торнау (Дрезденъ, 1880 г.); наконецъ *Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія*, М. Ковалевскаго (Москва, 1879), въ которомъ содержатся любопытнѣйшія указанія на измѣненія, вносимыя въ сферу поземельныхъ отношеній мусульманскимъ правомъ, и *Первобытная собственность* Лавелле и *L'évolution de la propriété*, par Ch. Letourneau (Paris, 1889 г.), — въ которыхъ имѣются свѣдѣнія о поземельной собственности въ мусульманскихъ странахъ, слѣдовательно, имѣется матеріалъ, необходимый для сравненія.

II. Пособіями по исторіи землевладѣнія послѣ присоединенія Крыма къ Россіи помимо указанныхъ выше служатъ прежде всего описанія современниковъ, изъ числа которыхъ первое мѣсто занимаютъ записки члена Высочайше учрежденной 19 мая 1802 года Коммиссіи Павла Сумарокова, подъ названіемъ: *Досудн Крымскаго Судьи* или „Второе путешествіе въ Тавриду“ (Спб. 1803—1805, ч. I и II), сохранившаго не безъ интереснаго свѣдѣнія по тому вопросу, который пришлось ему самому разрабатывать въ качествѣ судьи. Что же касается извѣстнаго *Путешествія по Крыму въ 1793—1794 г.* Петра Паласа, то, къ сожалѣнію, авторъ, не смотря на то, что состоялъ владѣльцемъ двухъ дачъ въ Крыму — деревень Шули и Айтордоръ, и, слѣдовательно, былъ заинтересованъ злобою дня тогдашнихъ помѣщиковъ — вопросомъ о поземельныхъ правахъ татаръ и новыхъ владѣльцевъ, ибо даже имѣлъ процессъ объ этомъ съ татарами, ничего не сообщаетъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. Другой изслѣдователь Крыма — Кеппенъ повторяетъ въ своемъ *Крымскомъ Сборникѣ* свѣдѣнія, заимствованныя у Сумарокова. Другимъ пособіемъ при изученіи исторіи землевладѣнія въ Крыму въ позднѣйшее время служатъ *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Таврической губерніи*. Т. I—IX.

Наконецъ современныя наблюденія приносятъ свою долю пользы въ дѣлѣ изученія нашего вопроса. Помимо знакомства съ дѣйствительнымъ по-

¹⁾ Кромѣ Мультеки и Гидайета въ Крыму руководствовались еще второстепенными сводами: *Дуреромъ, Кудури и Викайе*.

ложеіемъ вещей, эти наблюденія даютъ немаловажныя указанія на предшествующее время, оставляющее послѣ себя, какъ извѣстно, т. н. пережитки. Изученіе этихъ пережитковъ въ особенности важно для знакомства съ обычнымъ правомъ (*адетъ*) татаръ, игравшимъ, какъ увидимъ ниже, немаловажную роль въ исторіи развитія крымско-татарскаго землевладѣнія. Легче всего пережитки наблюдаются въ гористой, мало доступной части Крыма (въ Оеодосійскомъ уѣздѣ), гдѣ, благодаря болѣе замкнутости жителей, удержались старыя формы быта.

Вотъ весь матеріалъ, которымъ можно располагать при изученіи вопроса о крымско-татарскомъ землевладѣніи. О значеніи той части этого матеріала, который извлеченъ мною изъ архива и еще нигдѣ не изданъ, было сказано выше. Что же касается печатнаго матеріала, то о немъ можно сказать то же, что и о первомъ, а именно, что, не смотря на обиліе, онъ не заключаетъ въ себѣ ни одного труда, кромѣ указанныхъ выше работъ Хартая и Блюменфельда, который содержалъ бы болѣе или менѣе ясный, опредѣленный отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Достигнуть правильнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса, при отсутствіи надлежащихъ средствъ къ его разрѣшенію, весьма трудно. Вотъ почему я далека отъ мысли считать свой посильный трудъ удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ. Къ тому же принятая мною на себя задача—довольно сложная. Время, въ продолженіе котораго развивается взятый для изученія вопросъ, обнимаетъ нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ протекала цѣлая историческая жизнь народа. Прослѣдить во весь этотъ періодъ обстоятельства, послужившія причиною образованія и уклада той или другой поземельной формы, весьма трудно, тѣмъ болѣе, что таковыхъ причинъ оказалось нѣсколько, и при томъ самыхъ разнородныхъ, имѣвшихъ отличное другъ отъ друга дѣйствіе, равнодѣйствующая которыхъ не такъ доступна наблюденію, какъ это можетъ показаться. Кромѣ того при изслѣдованіи вопроса необходимо разграниченіе сферы частно-хозяйственнаго права на землю отъ общественно-политическаго. Вотъ почему задача оказывается настолько сложной, что невозможно преодолѣть всѣ затрудненія. Неудивительно поэтому, если въ настоящей работѣ обнаружатся недосмотры и ошибки.

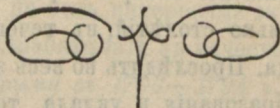
Не смотря на всѣ эти затрудненія, я рѣшаюсь издать въ свѣтъ свой *Очеркъ*, какъ опытъ исторической разработки вопроса о крымско-татарскомъ землевладѣніи, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нимъ будетъ обнародованъ мѣстный архивный матеріалъ, который можетъ оказаться небезполезнымъ для будущихъ изысканій.

Къ изданію предлагаемаго *Историческаго Очерка* и Сборника къ нему документовъ въ особенности побуждаетъ меня нравственная обязанность предѣ

Таврическимъ Земствомъ, давшимъ мнѣ средства на архивныя изысканія и изданіе настоящаго труда. За означенное содѣйствіе считаю долгомъ выразить Таврическому Земству глубокую мою благодарность. Приношу также искреннюю признательность г. профессору С.-Петербургскаго Университета В. Д. Смирнову за его указанія и переводъ вышеназванныхъ документовъ, помѣщаемыхъ мною ниже въ *Сборникъ*, профессору Новороссійскаго Университета Ал. И. Маркевичу за разрѣшеніе пользоваться его рукописью, содержащею въ себѣ статеинный списокъ московскаго гонца Айтемпрева, и предсѣдателю Таврической Губернской Земской Управы А. Х. Стевену за его просвѣщенное содѣйствіе къ полученію средствъ на изданіе настоящаго труда.

Въ заключеніе вспоминаю Муратъ Бея Біярсланова, которому я обязанъ переводомъ помѣщаемыхъ въ *Сборникъ* татарскихъ документовъ.

30 Сентября 1894 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Физическія условія родины монголо-татаръ и ихъ вліяніе на бытъ жителей. Черты общественнаго устройства монголо-татаръ; формы родовыхъ союзствъ; монголо-татарскія племена въ періодъ возвышенія Чингизъ-хана; институты обычнаго ихъ права: главенство старѣйшины, система агнаціи и порядокъ наслѣдованія; родовая солидарность; формы вещнаго права. Измѣненія въ общественномъ устройствѣ монголо-татаръ при Чингизъ-ханѣ; начало земледѣлнія. Главнѣйшія черты внутренней организаціи Золотой Орды и вліяніе ихъ на бытъ Крымскаго улуса.

Родина монголо-татаръ—центральная Азія, заключающаяся между Манжурской возвышенностью на востокъ и Урало-каспійской впадиной на западѣ и простирающаяся на югъ отъ Сибирскихъ горъ до возвышенностей Тибета, представляетъ изъ себя безводную и безлѣсную плоскость, состоящую изъ песчанника, известняка и солончаковъ и перерѣзанную волнистыми степями краснозема и равнинами, усѣянными булыжникомъ и обломками кварца, кремня и другихъ пород¹⁾. Почва этой мѣстности, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полей въ южной и сѣверной ея части—скудная и съ трудомъ родитъ не только хлѣбныя злаки, но даже кормовыя травы, вслѣдствіе чего здѣсь нѣтъ удобныхъ мѣстъ не только для хлѣбопашества, но даже для сѣнокосовъ и постоянныхъ пастбищъ. Климатъ—сухой и континентальный съ рѣзкими перепадами отъ тепла къ холоду,—съ лѣтнимъ зноемъ и зимней стужей. Подобный климатъ не благоприятствуетъ развитію въ этой мѣстности растительности. Послѣдняя потому и не отличается богатствомъ и разнообразіемъ: немногочисленные виды растений одинаковы какъ въ низинахъ, такъ и на высотахъ, а въблизи текущихъ водъ не встрѣчается другихъ деревьевъ, кромѣ ивъ и тополей²⁾. Означенныя физическія условія дѣлаютъ нагорье центральной Азіи мало пригоднымъ для развитія осѣдлаго быта.

Но если съ одной стороны это нагорье неблагоприятно для развитія

¹⁾ Всеобщая Географія Э. Реклю, т. VI-й, 11 стр.

²⁾ Ibid. 11 стр.

осѣдлости и связанной съ ней культуры, то съ другой стороны обширныя пастбища, простирающіяся здѣсь на необъятное пространство по волнистымъ степямъ, долинамъ и плоскостямъ, обиліе соли въ почвѣ, сухость воздуха и вслѣдствіе этого отсутствіе зимою глубокаго снѣга¹⁾, однообразіе рельефа страны и другихъ физическихъ условій, не представляющихъ затрудненія для передвиженій,—дѣлають нагорье Центральной Азіи истинной страной номадовъ. На этомъ мѣстѣ люди не знали и не знаютъ другого занятія кромѣ скотоводства и не имѣютъ другого источника существованія кромѣ того, который доставляется содержаніемъ стадъ. Вотъ почему монголо-татары, обитавшіе въ древности эту страну, представляли изъ себя настоящихъ кочевниковъ, для которыхъ разведеніе стадъ составляло весь смыслъ существованія. Получая все необходимое отъ домашнихъ животныхъ: молоко и мясо для пищи, шкуры для одежды, шерсть для войлока и веревокъ, они жили, какъ и нынѣ живутъ монголы,²⁾ „исключительно для своего скота“³⁾. Занятіе скотоводствомъ до того было важно, что проникало весь жизненный строй этихъ номадовъ и наложило свой отпечатокъ на общественную ихъ организацію. Будучи родовой, организація ихъ подъ воздѣйствіемъ кочевой культуры получила особый обликъ, благодаря которому она должна быть названа пастушеско-родовой. Переходя къ болѣе подробному разсмотрѣнію общественной организаціи монголо-татаръ въ періодъ кочеванія ихъ въ предѣлахъ родины, мы увидимъ, что распорядки пастушеской культуры дали содержаніе главнѣйшимъ формамъ внутренняго ихъ устройства; мы подольше остановимся на этомъ вопросѣ въ виду того, что изученіе пастушеско-родового быта монголо-татаръ должно опредѣлить тотъ матеріалъ, который легъ въ основаніе исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія и послужилъ генезисомъ развитія послѣдняго.

Основой общественнаго устройства монголо-татаръ служила патріархальная группа людей, связанныхъ между собою какъ узами родства, такъ и взаимнымъ сотрудничествомъ, необходимымъ для содержанія скота, защиты и нападенія. Эта первичная общественная группа составляла юртъ⁴⁾ въ тѣсномъ

¹⁾ Третье путешествіе въ Центральную Азію, Пржевальскаго, 431 стр.

²⁾ Монголія и страна Тангутовъ, его же., т. I, 37—40 стр.

³⁾ Плато-Карпини. Собраніе путешествій къ татарамъ, изд. Лыкова, 109 стр.

⁴⁾ Histoire des Mongols de la Perse, par Raschid-Eldin, Quatremère, 1 v, 54 p. 72 not. Исторія Монголовъ, переводъ съ персид., 133 стр., 35 прим. Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 15 ч. (Тр. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.), 24 и 42 стр.

смыслъ слова, или аулъ¹⁾, въ значеніи становища людей и ихъ стадъ. Нѣсколько такихъ юртовъ или ауловъ путемъ соединенія для цѣлей пастушеской коопераціи, а также—защиты и нападенія, составляли слѣдующую общественную группу—хошунъ, какъ она и нынѣ называется въ Монголіи,²⁾ или хонтонгъ—у калмыковъ³⁾. Подобно юрту хошунъ обозначалъ собою не только родовой, но и хозяйственный союзъ, вслѣдствіе чего его именемъ одинаково называлась какъ сводная группа близкихъ по происхожденію лицъ, такъ равно и сводное ихъ стадо. Если до настоящаго времени крымскіе татары образуютъ сводныя стада овецъ и называютъ стойбище такого стада „хошъ“, именемъ, происшедшимъ, какъ надо полагать, отъ „хошунъ“, то прежде „хошъ“ былъ становищемъ не только стада, но и людей⁴⁾, подобно тому какъ тамга служила въ одно и то же время знакомъ для клейменія домашнихъ животныхъ и тотемическимъ знакомъ для опредѣленія трибы⁵⁾, а впоследствии сдѣлалась фамилінымъ гербомъ, украшающимъ и нынѣ нѣкоторыя бейскія фамиліи въ Крыму⁶⁾.

Путемъ дальнѣйшихъ слияній какъ для мирнаго, такъ равно и воинственнаго сотрудничества составлялись все большія и большія общественныя группы. Такъ изъ хошуновъ составлялись аймаки, какъ ихъ называетъ Іакинфъ въ своихъ запискахъ,⁷⁾ или отоки, какъ они названы въ древнихъ калмыцкихъ постановленіяхъ⁸⁾. Въ настоящее время количество хошуновъ, составляющихъ въ Монголіи и другихъ мѣстахъ центральной Азіи аймакъ, неодинаково; напр. одинъ

¹⁾ Histoire des Mogols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi. II, 84.

²⁾ Монголія и страна Тангутовъ, Пржевальскаго, 162—164 стр. Первое путешествіе въ Центральную Азію, его же, 148, 320 и 438 стр.

³⁾ Калмыцкое право, Леонтовича, 184—188 стр.

⁴⁾ Историческая судьба крымскихъ татаръ, Хартахая. Вѣст. Евр. 1866, II т., 217 стр. Древній монголо-калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій, Леонтовича, 175 стр.

⁵⁾ Шейбаниада. Исторія Монголо-тюрковъ И. Березина въ Библ. Вост. Ист., т. I, 17 стр. На XII стр. Шейбаниады мы читаемъ: „Кюрляуты, Ильдигины и Бергнуты суть близкія одно къ другому племена, и они находятся въ родствѣ, и тамги у нихъ общія“.

⁶⁾ Изображенія гербовъ нѣкоторыхъ бейскихъ фамилій въ Крыму помѣщены въ моемъ рефератѣ: „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“. Труды VI Археол. Съѣзда., т. IV, 97—110 стр.

⁷⁾ Записки о Монголіи, Іакинфа, II т., 153—155, 175—176 стр.

⁸⁾ Въ примѣчаніи къ 151 ст. этихъ постановленій отокъ опредѣляется какъ „родъ, подъ которымъ разумѣется отъ 100 до 500 кибитокъ“. Рукопись барона Бюлера въ библиотекѣ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д. подъ № 93, Карт. I. См. также „Древній Монголо-Калмыцкій уставъ взысканій“, Леонтовича, 165 стр.

аймакъ Алапаньскаго князя состоитъ изъ трехъ хошуновъ, заключающихъ въ себѣ три тысячи юртъ¹⁾; сѣверная Монголія содержитъ въ себѣ четыре аймака, состоящихъ изъ 86 хошуновъ, восточная Монголія съ Ордосомъ—25 аймаковъ, заключающихъ въ себѣ 51 хошунъ,²⁾ и т. д.,—однимъ словомъ, количество хошуновъ, составляющихъ нынѣ аймакъ, различно. И въ древности аймакъ не имѣлъ опредѣленнаго размѣра: онъ былъ то больше, то меньше нынѣшняго³⁾. Но дѣло собственно не въ размѣрѣ и названіи той или другой общественной группы, а въ томъ, что указанныя общественныя группы, называемы ли ихъ юртомъ или ауломъ, хошуномъ или хотонгомъ и т. д., представляютъ изъ себя союзы людей, связанныхъ какъ родствомъ, такъ и необходимостью содержать стада общими усиліями, а равно—нападать и защищаться.

Какъ изъ хошуновъ составлялись аймаки или отоки, такъ изъ послѣднихъ составлялись улусы⁴⁾ или орды, а изъ орды—ханства, имперіи. Древняя исторія монголовъ представляетъ немало образцовъ подобныхъ союзовъ. Мы видимъ, что задолго до Чингизъ-хана, подъ вліяніемъ воинственныхъ нападений, главнымъ образомъ на Китай, возникали монархіи, которыя хотя и не отличались продолжительностью своего существованія, но составляли крупныя политическіе союзы⁵⁾. Ко времени же возвышенія Чингизъ-хана насчитывалось до пятидесяти племенъ, образовавшихся путемъ сліянія меньшихъ общественныхъ группъ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ племенъ достигли извѣстнаго политическаго значенія съ болѣе или менѣе прочною властью во главѣ. Таковы напр. союзы: Уйгуровъ, составившихъ 120 оруковъ (поколѣній)⁶⁾ и имѣвшихъ во главѣ Идикуда-Баурчина⁷⁾, Керантовъ, находившихся подъ властью Онгъ-хана⁸⁾, Наймановъ, кочевавшихъ въ Каракорумѣ и составившихъ большій улусъ, управляемый Тоингъ-ханомъ⁹⁾, Карлуковъ, образовавшихъ союзъ двухъ тысячъ родовъ подъ начальствомъ Арсланъ-хана¹⁰⁾ и т. д. Изъ числа

¹⁾ Третье Путешествіе въ центральную Азію, Пржевальскаго, 437—438 стр.

²⁾ Монголія и страна Тангутовъ, его же, 59—60 стр.

³⁾ Сравни въ „Запискахъ о Монголіи“, Іакинфа, II т., 2, стр. 101, 136, 137, 175 и др.

⁴⁾ Шейбаниада. Исторія Монголо-тюрковъ, И. Березина. 12 стр.

⁵⁾ Записки о Монголіи, Іакинфа, II т., стр. 2, 15, 21, 116, 120 и др.

⁶⁾ Histoire des Mogols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi, II, 40, 50 p.

⁷⁾ Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 10—12 стр.

⁸⁾ Шейбаниада. Исторія Монголо-тюрковъ, Березина, XLIV стр.

⁹⁾ Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 2 стр. Исторія Монголовъ, перев. съ персид., 17 стр.

¹⁰⁾ Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 12 стр. Histoire des Mogols et des Tat., par Aboul-Ghâzi, II, 38 p.

другихъ племенъ, существовавшихъ въ періодъ возвышенія Чингизъ-хана, хотя и меньшихъ по объему и значенію, но болѣе интересныхъ по своей послѣдующей исторіи, необходимо указать: татаръ, имѣвшихъ „много поселеній“ подлѣ Байкала¹⁾, Барыновъ, имѣвшихъ знатныхъ бековъ при Чингизъ-ханѣ²⁾, Кипчаковъ и упоминаемыхъ Рашидъ-Эддиномъ Салджиутовъ (Седжиутовъ)³⁾.

Указанія племена не только со стороны внѣшняго строенія, но и по внутреннему своему складу составляли пастушеско-родовыя группы. Дѣйствительно, разсматривая жизнь этихъ племенъ со стороны внутренняго содержанія, мы видимъ, что она регулировалась тѣми распорядками которые непосредственно вытекають изъ пастушеско-родоваго быта и составляютъ кодексъ обычнаго права пастушеско-родовыхъ племенъ.

Первымъ изъ такихъ институтовъ—служить главенство старѣйшины, игравшее весьма важную роль въ жизни монголо-татаръ. Помимо своего естественнаго превосходства, какъ родовладыки, старѣйшина имѣлъ особенное значеніе въ силу тѣхъ функций, которыя лежали на немъ, какъ на домоправителѣ, и заключались напр. въ выборѣ стоянокъ „хоша“, указаніи пастбищъ, распредѣленіи работъ и удовлетвореніи разныхъ другихъ хозяйственныхъ нуждъ. Вотъ почему власть его одинаково сильна была какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ общественныхъ группахъ, начиная семействомъ и кончая союзомъ племенъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ малыхъ группахъ власть главы оставалась совершенно патріархальной, а въ большихъ, по мѣрѣ увеличенія группы, она все болѣе и болѣе осложнялась и наконецъ, подъ вліяніемъ усиленной внѣшней дѣятельности, становилась ханскою властью, вмѣщавшею въ себѣ наряду съ патріархальнымъ главенствомъ элементы кп-тайскаго самодержавія⁴⁾. Но власть старѣйшины не была неограниченная. Она ограничивалась вообще установившимся обычаемъ и опасеніемъ сопротивленія и отпаденія подчиненныхъ. Въ большихъ же группахъ власть хана ограничивалась родовладыками, остававшимися самостоятельными правителями въ своихъ родахъ, подъ названіемъ „эмпровъ“, „нойоновъ“, „бековъ“⁵⁾, несмотря на значеніе центральной власти. Это господство родовладыкъ отмѣ-

¹⁾ Ibid. 44 p.

²⁾ Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 23 и 82 стр.

³⁾ Ibid. 3 и 26 стр.

⁴⁾ Histoire des Mongols de la Perse, Quatremère, I, 78 p. 95 nt. Записки о Монголіи, Иакинфа, II т., 72 и 85 стр.

⁵⁾ Histoire des Mogols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi, II, 6, 138, 153—155, 174, 178 и др. Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 2, 3, 42, 82 и др. Шейбаниада, XXXII, XLIV, LI стр.

чено у нѣкоторыхъ восточныхъ историковъ, какъ особое явленіе подъ названіемъ *moulouki-tevaif*, состоявшее въ томъ, что „каждая семья имѣла своего хана“,¹⁾ т. е. родоначальника. Такимъ образомъ между главой и управляемыми существовала, какъ и нынѣ существуетъ въ Монголіи, полная свобода отношеній²⁾.

Вторымъ институтомъ кочеваго быта монголо-татаръ является система родства и вытекавшій изъ нея порядокъ наслѣдованія. Не входя въ изслѣдованіе вопроса о возникновеніи монголо-татарской семьи, укажу на то, что и теперь въ Монголіи наблюдаются слѣды, свидѣтельствующіе о существованіи въ древности экзогамической³⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ эндогамической семьи⁴⁾, понимая послѣднее слово въ древнемъ его значеніи, въ смыслѣ рода. Каково бы ни было происхожденіе ея, тѣмъ не менѣе указанія исторіи монголо-татаръ и наблюденія надъ современною жизнью ихъ потомковъ показываютъ, что родство велось по нисходящей линіи отъ предка и что именемъ его нерѣдко называлась вся группа⁵⁾. Такъ напр. поколѣнія Кипчаковъ, Кангловъ, Карлуковъ и Ойгуровъ считали себя происходящими отъ Огузъ-хана; поколѣнія Конгкомаровъ, Эрлатовъ и Килькитовъ были родственны между собою по происхожденію отъ Конгомара;⁶⁾ Икрасово племя вело свой родъ отъ Икраса⁷⁾ и т. д. И въ настоящее время хошуны монголовъ въ области Цайдама называются родовымъ именемъ стоящихъ во главѣ князей⁸⁾. Слѣдовательно, въ монголо-татарской семьѣ какъ прежде, такъ и теперь, родство велось въ агнатическомъ порядкѣ,—причемъ члены патриархальной группы располагались по степенямъ: во главѣ стоялъ представитель прародителя—старѣйшій родственникъ по восходящей линіи, за нимъ ближайшіе агнаты, далѣе лица, связанные узами болѣе отдаленнаго родства,⁹⁾ и наконецъ тѣ, которые приняты въ семью въ качествѣ усыновленныхъ¹⁰⁾. Право же первородства руководило и наслѣдованіемъ званія главы, которое переходило къ

¹⁾ *Histoire des Mogols et des Tatares*, par Aboul-Ghâzi, II, 22, 162 и 165.

²⁾ Монголія и страна Тангутовъ, Пржевальскаго, I, 51 стр.

³⁾ *Ibid.* I, 49. *L'évolution de la propriété*, par Letourneau, 139 p.

⁴⁾ Rubruquis. *Voyages en Asie*, Bergeron, 33 p.

⁵⁾ Шейбаниада, XXXII, XLII стр. Исторія Монголовъ, пер. съ персид. 134 стр.

⁶⁾ *Histoire des Mogols et des Tatares*, Aboul-Ghâzi, II, 37, 53—62 и др.

⁷⁾ Шейбаниада, XLI, XLIII, LIV стр. Записки о Монголіи, Іакинфа, II, 52, 70—71 и 85 стр.

⁸⁾ Четвертое путешествіе въ Центральную Азію, Пржевальскаго, 182 стр.

⁹⁾ Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 8 ч. Труды Вост. Отд. Императ. Русск. Археол. Общ., 417 стр.

¹⁰⁾ *Ibid.*, 417. *Histoire des Mogols*, Aboul-Ghâzi, II, 74 p.

старшему въ родѣ¹⁾. Означенное преемство власти умершаго главы происходило само собою въ силу естественнаго права, предоставляемаго рожденіемъ, и составляло обычный порядокъ наслѣдованія²⁾, хотя конечно могли быть случаи замѣны „старшаго“ „достойнѣйшимъ“ изъ агнатовъ путемъ выбора. Примѣры подобнаго избирательнаго главенства имѣли мѣсто у монголо-татаръ преимущественно при преемствѣ ханской власти. Въ случаѣ наслѣдованія по обычаю, для утвержденія ханской власти необходима была санція старѣйшинъ отдѣльных родовъ и племенъ³⁾.

Третьимъ институтомъ обычнаго права монголо-татаръ была родовая солидарность и отвѣтственность. Она проявлялась въ формѣ обязательной для сопородцевъ взаимной помощи и поруки въ видахъ поддержанія рода. Это начало общности и солидарности въ особенности ясно давало себя чувствовать въ области вещнаго права. Дѣйствительно, правила, существовавшія у монголо-татаръ, о собственности опредѣлялись этимъ началомъ.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ правилъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что подъ именемъ собственности монголо-татары понимали не землю, а домашній скотъ и другую движимость, напр. оружіе, домашнюю утварь и т. д. Будучи номадами, монголо-татары, хотя и знали культуру нѣкоторыхъ хлѣбовъ, ибо по свидѣтельству путешественниковъ XIII в. Рубруквиса и Плано-Карпиния, сѣяли просо,⁴⁾ тѣмъ не менѣе весьма мало обрабатывали землю. Изъ числа многочисленныхъ племенъ, жившихъ въ эпоху Чингизъ-хана, только Ойгуры, Кераиты, Карлуки и Татары занимались отчасти земледѣліемъ⁵⁾. Остальные же племена не обрабатывали земли, а занимались исключительно скотоводствомъ. Вотъ почему земля для монголо-татаръ не представляла цѣнности, и потому сама по себѣ не могла служить объектомъ собственности. Такою оставалась лишь одна движимость, собственно говоря, домашнія животныя.

Но подобная собственность не была предметомъ частнаго владѣнія. Дѣло въ томъ, что помимо связей родства, державшихъ вмѣстѣ всѣхъ членовъ группы и не позволявшихъ никому выходить изъ семьи, самыя условія пастушеской культуры заставляли членовъ патриархальной группы жить и рабо-

¹⁾ Записки о Монголіи, Іакинфа I, 163; II, 10, 37 и 45 стр. Шейбаниада, XXXIV.

²⁾ Древнее Право, Мэна, 184 стр.

³⁾ Исторія Монголовъ, перев. съ перс., 9 и 12 стр. Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 8 стр. Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 423 стр.

⁴⁾ Плано Карпини. Собрание путешествій къ татарамъ, 114 стр.; Rubruquis, Voyages en Asie, Bergeron, 56 p.; Марко-Поло, 114—119.

⁵⁾ Histoire des Mogols et des Tatares, Aboul-Ghâzi, II, 38 p.

тать сообща и пользоваться продуктами изъ общаго имущества; иначе каждому отдѣльному домохозяину пришлось бы самому пасти свое маленькое стадо, охранять его, обрабатывать получаемые продукты и такимъ образомъ тратить массу труда и получать взамѣнь этого самые незначительные результаты. Вотъ почему пастушеская группа и принуждена была вести дѣло сообща, для чего она соединяла небольшія свои стада въ одно сводное стадо и распредѣляла трудъ содержанія его и обработыванія получаемыхъ продуктовъ между отдѣльными членами. Но такъ какъ трудъ каждого, за неимѣніемъ надлежащихъ мѣръ времени, количества и цѣнности и за отсутствіемъ установленныхъ нормъ вознагражденія, не могъ быть опредѣленъ, то потому и не было возможности указать, на какую часть имущества каждый имѣетъ право. На этомъ основаніи какъ трудъ каждого члена становился общимъ, такъ равно и имущество, или продуктъ, на который употреблялся этотъ трудъ, составляло общее достояніе. Такимъ образомъ условія патриархальной жизни монголо-татаръ, не знавшихъ личныхъ раздѣловъ и счетовъ, не давали мѣста индивидуализаціи имущества; послѣднее и находилось потому въ общемъ владѣніи всѣхъ членовъ группы. Съ этой точки зрѣнія такая группа составляла одну *общину*, члены которой связаны были не только узами родства, но еще матеріальными интересами, — интересами общиннаго владѣнія имуществомъ, а глава этой общины, какъ господинъ надъ всѣмъ имуществомъ, заправлялъ работою домочадцевъ и содержалъ ихъ изъ общаго источника¹⁾.

Общинное владѣніе имуществомъ не исключало однако возможности существованія у монголо-татаръ индивидуальной собственности. Но послѣдняя не простиралась далѣе тѣхъ вещей, которыя пріобрѣтены личнымъ трудомъ. Это были предметы, необходимые въ житейскомъ быту, какъ напр. оружіе, домашняя утварь, тѣ или другіе инструменты. Всѣ эти предметы могли находиться въ частномъ владѣніи и переходить по наслѣдству. Порядокъ наслѣдованія подобными вещами сохранялъ обычный характеръ: старшій получалъ больше младшихъ, сообразно монгольской пословицѣ: „старшему—десять, младшему—четыре“²⁾. Но кромѣ этого порядка наслѣдованія, отдававнаго предпочтеніе старшему, существовалъ еще обычай минората, наблюдаемый и нынѣ среди кочевниковъ центральной Азіи³⁾. Онъ состоялъ въ томъ, что самый младшій сынъ наслѣдовалъ отцовскую юрту и всѣ вещи въ ней⁴⁾. Къ сказанному о порядкѣ наслѣдованія слѣдуетъ прибавить, что наслѣдниками

¹⁾ Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 14 стр.

²⁾ Rubruquis. Voyages en Asie, Bergeron, 33 p. Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 418 стр.

³⁾ L'évolution de la propriété, par Letourneau, 425 p.

⁴⁾ Ibid. 424 p. Histoire des Mongols, Quatremère, I, 89 p. 6 not.

могли быть и дѣти, прижитыя отъ наложницъ, равно какъ и усыновленныя. Женщины же наслѣдовали въ томъ лишь случаѣ, когда не было потомковъ мужскаго пола¹⁾.

Указанные распорядки пастушеско-родового быта, благодаря условіямъ жизни и рудиментарности монголо-татаръ, вообще не располагавшей къ общественнымъ перемѣнамъ, приобрѣли особенную устойчивость и сохранились, не смотря на послѣдующія измѣненія, какимъ подверглась жизнь ихъ со времени образованія Чингизовой имперіи.

Дѣйствительно, образованіе Чингизъ-ханомъ монархіи, хотя и оставило основы патриархальнаго быта монголо-татаръ неприкосновенными и удержало въ силѣ институты обычнаго ихъ права, тѣмъ не менѣе не могло не привести къ извѣстнымъ измѣненіямъ въ жизни кочевниковъ. Начать съ того, что, благодаря усиленной воинственной дѣятельности, прежняя патриархальная группа получила видъ военного лагеря. Военно-дружинное устройство, имѣвшее у монголо-татаръ временный характеръ, принимаетъ при Чингизъ-ханѣ опредѣленный и устойчивый видъ. На ряду съ пастушеско-родовыми подраздѣленіями на юртъ, хошъ, и т. п. появляются военныя подраздѣленія на туманъ (тьма), минъ (тысяча), юзъ (сотня), йитикъ (пятьдесятъ), дѣлавшія орду одной дисциплинированной военной дружиной²⁾. Власть главы такого общества естественно должна была усилиться. Этому способствовала не только постоянная воинственная дѣятельность, требовавшая дисциплины и подчиненности, но и знакомство Чингизъ-хана съ теоріей всепоглощающаго самодержавія, существовавшей въ сосѣднемъ Китаѣ и мусульманскихъ государствахъ Западной Азіи. Вотъ почему, не смотря на всю простоту быта, удержавшаго институтъ главенства старѣйшины и родовой солидарности, Чингизъ-ханъ вводитъ въ управленіе начала китайской администраціи³⁾, заводитъ іерархію чиновниковъ и свиту и вообще старается какъ можно выше держать знамя монархической власти⁴⁾. Дѣйствительно, благодаря какъ личнымъ своимъ качествамъ, такъ и обстоятельствамъ времени, Чингизъ-ханъ достигъ большой силы и значенія. Не смотря на то, что въ силу обычая власть его должна была ограничиваться курилтаемъ, на самомъ дѣлѣ онъ правилъ вполне самостоятельно⁵⁾. Это усиленіе центральной власти не могло не ока-

¹⁾ Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 418 стр.

²⁾ Историческая судьба Крымскихъ татаръ, Хартахая, 217 стр.—*Histoire des Mogols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi*, II, 144.—Очеркъ внутрен. устройства Улуса Джучіева, Березина, 429 стр.

³⁾ Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 428—429.

⁴⁾ Плато-Баринни. Собраніе путешествій къ татарамъ, 147—149.

⁵⁾ Ibid. 151 стр.

затѣ вліянія на общественный бытъ монголо-татаръ и прежде всего выдвинуло служебное начало. Благодаря этому началу, на ряду съ родовой аристократіей образовалось служилое сословіе, получившее при помощи ханской власти, свои прерогативы¹⁾.

Кромѣ того завоеваніе богатыхъ и промышленныхъ земель доставило побѣдителямъ большую добычу и множество плѣнниковъ²⁾, а Чингизъ-хану обширную территорію земли, и, слѣдовательно, у воиновъ оказался новый источникъ богатства, выдѣлившій ихъ изъ ряда остальныхъ членовъ группы, а у Чингизъ-хана обширный фондъ, при помощи котораго онъ могъ широко практиковать принадлежащее ему право верховнаго обладанія и пожалованія³⁾. Хотя земля, благодаря господству пастушескаго хозяйства, имѣла значеніе преимущественно какъ пастбище, тѣмъ не менѣе извѣстное накопленіе богатствъ въ видѣ военной добычи, знакомство съ болѣе культурными народами средней Азіи, появленіе денежныхъ знаковъ,⁴⁾ — все это должно было поднять цѣнность земли и придать ей значеніе. Благодаря этому, она сдѣлалась предметомъ владѣнія и стала квалифицировать собою тѣ или другія отношенія какъ въ сферѣ государственнаго, такъ и частно-хозяйственнаго права. Началась исторія землевладѣнія, сначала слабо выраженная, а впослѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общества, все болѣе и болѣе опредѣлявшаяся. Первоначально мы имѣемъ тѣ формы поземельныхъ отношеній, которыя обуславливались происшедшими въ общественномъ строѣ измѣненіями. Первая такая форма вытекала изъ прерогативъ, принадлежащихъ верховной власти, и заключалась въ правѣ верховнаго обладанія (*dominium*) земель, въ силу котораго ханъ становился, говоря современнымъ языкомъ, верховнымъ вотчинникомъ покоренной земли⁵⁾. А такъ какъ при Чингизъ-ханѣ завоеванной земли было много, то верховная власть его простиралась *de jure* на всю центральную и западную Азію. Фактически это право ханъ осуществлялъ тѣмъ, что жаловалъ землю за службу. Эти пожалованія земли составляли вторую форму землевладѣнія у монголо-татаръ въ періодъ распространенія ихъ владычества на всю Азію. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь начало той поземельной системы, въ силу которой владѣніе пожалованной землею существовало лишь при условіи исправнаго отправленія службы, системы, съ которою мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи нашего вопроса. Само собою разумѣется,

¹⁾ Очеркъ внутрен. устройства Улуса Джучіева, Березина, 431 стр.

²⁾ Исторія монголовъ, Рашидъ-Эддина, 7, 10, 24, 47 и др. стр.

³⁾ Плано Карпини. Собраніе путеш. къ татарамъ, 151 стр.

⁴⁾ Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 462 стр. Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 47, 58, 71—72 стр.

⁵⁾ Плано Карпини. Собраніе путешествій къ татарамъ, 151 стр.

что указанныя землевладѣльческія формы находились въ зачаточномъ состояніи, и потому онѣ не имѣли того опредѣленнаго вида, какой у нихъ выработался впоследствии.

Не смотря однако на указанныя выше измѣненія, общность интересовъ, поддерживаемая условіями патриархальнаго быта, настолько сильна была, что въ тѣхъ патриархальныхъ группахъ, гдѣ начиналась осѣдлость и связанная съ ней культура, не могло установиться другой формы землевладѣнія, кромѣ той, которая выработана предшествующей жизнью. Это—форма общиннаго владѣнія, такъ долго практиковавшаяся въ пастушескомъ хозяйствѣ монголо-татаръ и, такъ сказать, сама собою распространившаяся и на земледѣльческое хозяйство въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣднее стало зарождаться. Благодаря этому, прежняя родовая община въ мѣстахъ, гдѣ начался земледѣльческій строй, мало по малу стала превращаться въ сельскую общину, въ которой мѣсто прежнихъ интересовъ пастушеской коопераціи заняли интересы общиннаго владѣнія землей и совмѣстной ея обработки.

Что касается остальныхъ институтовъ обычнаго права монголо-татаръ, то они остались безъ измѣненій. Такъ, не смотря на появленіе служилаго сословія, старѣйшины продолжали пользоваться своимъ значеніемъ и властью. Мало того, значеніе ихъ возросло, такъ какъ они сдѣлались начальниками военныхъ подраздѣленій или, какъ они названы въ ясѣ Чингизъ-хана, „беками тьмы, тысячи, сотни“;¹⁾ хотя это усиленіе власти не измѣнило прежнихъ патриархальныхъ отношеній, существовавшихъ между ними и управляемыми, и бекъ продолжалъ быть для управляемыхъ патриархомъ. Кромѣ того, порядокъ преемства власти старѣйшинъ остался прежній,²⁾ не смотря на выдвинутое Чингизъ-ханомъ служебное начало. Однимъ словомъ, главнѣйшій институтъ патриархальнаго строя монголо-татаръ остался неприкосновеннымъ, какъ остались неприкосновенными родовая солидарность, система агнаціи и связанный съ ней порядокъ наслѣдованія.

Наконецъ яса Чингизъ-хана, не смотря на то, что заключала въ себѣ нѣкоторыя постановленія, составляющія произведенія самого Чингизъ-хана, въ сущности представляла изъ себя кодифицированное обычное право монголо-татаръ³⁾. Въ ней формулированы правила, составляющія произведеніе патриархально-родовой ихъ жизни; принципы родовой іерархіи, подчиненія и теократической силы, интересы родоваго хищничества и самообороны, нако-

¹⁾ Исторія Монголовъ, Рашидъ-Эддина, 121 стр.

²⁾ Ibid. 122 стр.

³⁾ Древній Монголо-калмыцкій или Ойратскій уставъ възысканій, Леонтовича, 17 стр.

нецъ примитивные порядки и обычаи экономического и социальнаго быта — вотъ сущность Чингизовой ясы. Новое въ ней то, что вообще характеризуетъ Чингизову имперію, а именно подробныя правила о военныхъ предпріятіяхъ, нападеніяхъ, добычѣ, охотѣ, однимъ словомъ — регламентація военно-дружинаго строя,¹⁾ развитіемъ котораго особенно былъ заинтересованъ великій завоеватель.

Таково было приблизительно общественное устройство монголо-татаръ въ періодъ образованія ими въ предѣлахъ южной Руси Золотой Орды и появленія ихъ въ Крыму.

Вскорѣ послѣ поселенія въ южной Русі, среди монголо-татаръ (или татаръ, какъ они называются съ этого времени) сталъ распространяться исламъ. Начавшись при Берке во 2 п. XIII в., новая вѣра утвердилась въ началѣ XIV в. при ханѣ Узбекѣ.²⁾ Ибнъ-Батута, побывавшій въ Золотой Ордѣ въ 1334 г., говоритъ о татарахъ, какъ о мусульманахъ-суннитахъ, и сообщаетъ между прочимъ, что въ Сараѣ находилось 13 мечетей, въ числѣ которыхъ одна шафійская³⁾. Хотя первоначально мусульманство коснулось болѣе вѣйшей стороны и только современемъ проникло во внутреннюю жизнь новаго общества, тѣмъ не менѣе самый фактъ распространенія новой вѣры далъ другое направленіе исторіи татаръ. Въ чемъ состояли перемѣны, произведенныя принятіемъ ислама, увидимъ изъ слѣдующей главы, въ которой будемъ говорить о религіи крымскихъ татаръ. Теперь лишь отмѣтимъ, что распространеніе ислама съ перваго же раза дало новое основаніе ханскому самодержавію, которое нашло въ исламѣ готовое ученіе о божественномъ происхожденіи верховной власти и принадлежащихъ ей правъ.

Разсматривая главнѣйшія черты внутренней организаціи Золотой Орды, съ цѣлью отмѣтить тѣ изъ нихъ, какія оказали вліяніе на бытъ образованнаго изъ Золотой Орды Крымскаго Улуса, мы видимъ, что государственная централизація въ Золотой Ордѣ сдѣлала шагъ впередъ, вслѣдствіе чего она яснѣе прежняго выдѣлилась изъ числа институтвъ обычнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, система централизаціи начинаетъ проникать во всѣ отрасли военнаго и гражданскаго вѣдомства,⁴⁾ и на каждой ступени того и другого вѣдомства мы видимъ множество чиновъ. Далѣе мы находимъ цѣлую систему государственныхъ доходовъ, нѣчто въ родѣ государственнаго уложенія, извѣстное судопроизводство и т. д., а во главѣ — самодержавную власть

¹⁾ Исторія Монголо-татаръ, Рашидъ-Эддина, 122—130 стр.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Тизенгаузена, I, 122, 194 и 280 стр.

³⁾ Ibid. 306 стр.

⁴⁾ Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева, Березина, 443—459 стр.

хана, окружившаго себя извѣстною пышностью, знаками величія и многочисленнымъ дворомъ, заключающимъ въ себѣ отрядъ гвардіи и тѣлохранителей, и множествомъ придворныхъ чиновъ: конюшимъ, сокольникомъ, барсникомъ, церемоніймейстеромъ¹⁾ и т. д. Свою же власть ханъ такъ опредѣляетъ: безпрекословно исполнять все то, что онъ потребуетъ²⁾. Хотя при внутреннихъ раздорахъ, происходившихъ изъ-за престола въ Золотой Ордѣ, ханская власть иногда теряла въ своей силѣ, тѣмъ не менѣе идея самодержавной власти ничѣмъ не могла быть поколеблена, и она ясно давала себя знать при болѣе или менѣе энергичномъ ханѣ.

Но если съ одной стороны Золотая Орда представляла шагъ впередъ съ точки зрѣнія развитія государственности, то, съ другой стороны, она оставалась кочевой монархіей³⁾, представлявшей любопытное соединеніе двухъ элементовъ—кочевого быта и государственныхъ формъ, почему и сохранила ненарушимыми главные принципы патріархальнаго строя. Такъ, родовое старшинство продолжало пользоваться прежнимъ значеніемъ. Одни изъ родоначальниковъ были правителями отдѣльных областей, другіе занимали высшія мѣста въ іерархической лѣстницѣ чиновъ,⁴⁾ третьи составляли курлтай, причемъ послѣдній пользовался конечно большимъ вліяніемъ на общій ходъ дѣлъ, чѣмъ при Чингизъ-ханѣ. О силѣ и значеніи родоначальниковъ въ Золотой Ордѣ можно судить по тому, что они имѣли рѣшающій голосъ при избраніи хана, когда, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, порядокъ наследованія нарушался, и приходилось выбирать хана. Такъ, благодаря бекамъ, Ногаю удалось отдѣлиться отъ Золотой Орды и образовать самостоятельный улусъ. Когда же Ногай сталъ пренебрегать ими, послѣдніе отпали и возвысили Токту⁵⁾ и т. д. Точно также неизмѣнными остались и другіе интересующіе насъ принципы патріархальнаго строя: система агнаціи, порядокъ наследованія и родовая солидарность.

Что же касается тѣхъ измѣненій, какія произошли въ сферѣ вещнаго права татаръ послѣ переселенія ихъ въ южную Русь, то эти измѣненія привели въ результатъ къ большому сравнительно съ прежнимъ развитію индивидуализаціи имущества. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ развитія общественной

¹⁾ Ibid. 458.

²⁾ Плано-Карпини. Собраніе путешествій къ татарамъ, 105, 147—149 стр.

³⁾ Очеркъ внутреннего устройства Улуса Джучіева, Березина, 479.

⁴⁾ Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Тизенгаузена, I, 168, 193, 303 и др.—Очеркъ внутреннего устройства Улуса Джучіева, Березина 431, 433 и др.

⁵⁾ Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Тизенгаузена, I, 112—114 стр.

жизни, развивалась и земледельческая культура, вследствие чего земля стала приобретать в Золотой Орде большее значение, чем в Азии. Вот почему, если в империи Чингиз-хана земля, как мы видели, имела уже известную ценность, то ценность ее в Золотой Орде увеличилась. По словам арабского путешественника Эломарп, в Орде были земли, которые приносили дохода от 100 т. до 200 т. диргемов;¹⁾ следовательно земледельческие интересы настолько подвинулись вперед, что привели к образованию ренты. Благодаря же увеличению ценности земли начавшаяся при Чингиз-хане система пожалования земель за службу получила в плодородных степях южной Руси большее распространение. И вот мы видим, что золотоордынские ханы жалуют земли и тем способствуют выделению из общей массы особого класса землевладельцев. Ханские ярлыки того времени называют их то „земледельцами“, то „паевщиками“²⁾. Не входя в разъяснение того, что значат эти наименования, укажу лишь, что данные означенных ярлыков ставят вне всякого сомнения факт пожалования земель, практиковавшегося золотоордынскими ханами, а, следовательно,—и начала индивидуализации поземельной собственности.

Но покуда индивидуализация поземельной собственности не распространилась далеко; громадное пространство земель, занятых кочевьями, попрежнему составляло достояние родовых общин. Узы родства и интересы совместного сотрудничества настолько еще сильны были, что развиваемое центральной властью личное начало не могло поколебать существовавшего строя и находило себе лишь незначительное применение. Таким образом наряду с индивидуальной поземельной собственностью, начавшей развиваться у татар после передвижения их в южную Русь, существовало общинное владение, обнимавшее огромное большинство земель. Это не была определенная поземельная форма, в том смысле, как теперь мы ее понимаем. Скорее это—безразличное отношение патриархальной группы к земле, пользование ею непосредственно, без соблюдения каких либо правил или указаний.

Указанные черты внутреннего устройства Золотой Орды имели непосредственное влияние на быт образовавшегося Крымского улуса, к изучению которого мы приступим в следующей главе.

Суммируя в кратких словах сказанное в настоящей главе, мы находим, что начала патриархального устройства глубоко проникли в жизнь

¹⁾ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Ти-зенгаузена, I, 244 стр.

²⁾ Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева, Березина, 437 стр.

татаръ и удержались, не смотря на измѣненія, послѣдовавшія при Чингизъ-ханѣ и послѣ него, въ періодъ образованія Золотой Орды, и что эти начала опредѣляли собою формы вещнаго права татаръ, за исключеніемъ той особой формы, которая находилась подъ воздѣйствіемъ означенныхъ измѣненій и заключалась, собственно говоря, въ индивидуализаціи поземельной собственности.

II.

Передвиженіе въ Крымъ татарскихъ поколѣній. Значеніе родовладыкъ въ Крымскомъ улусѣ (бен и тудуны). Сосѣдство татаръ съ греками и генуэзцами и слѣдствіе этого. Начало земледѣльческаго строя въ Крыму; возникновеніе сельской общины и начало бейлика.

Исламъ въ Крымскомъ улусѣ; шеріатъ и адетъ. Ученіе шеріата о поземельной собственности; *зекатъ*; *джихадъ*; оживленіе „мертвой природы“ (*меватъ*); посвященіе имуществъ (*вакфъ*). Формы поземельной собственности по шеріату; *dominium*; пожалованія земли по *иктаа*; вещи, никому не принадлежащія въ собственность.—Общій выводъ изъ сказаннаго.

Переходя къ изученію общественно-экономическаго быта татаръ, послѣ поселенія ихъ въ Крымъ, съ цѣлью указать причины, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась та или другая форма крымско-татарскаго землевладѣнія, необходимо раздѣлить рассматриваемый вопросъ на двѣ части. Въ первой части мы займемся разсмотрѣніемъ общественно-экономическаго быта татаръ въ періодъ существованія Крымскаго улуса, т. е. въ періодъ времени со 2-й половины XIII в. вплоть до 2-й половины XV в., а во второй части укажемъ тѣ измѣненія, которымъ подверглась жизнь татаръ со 2-й половины XV в., т. е. со времени образованія ханства Гиреевъ. Соотвѣтственно такому раздѣленію, настоящая глава будетъ посвящена изслѣдованію первой части указанного вопроса.

Заселеніе Крыма татарами началось весьма скоро послѣ основанія Золотой Орды¹⁾. По свидѣтельству арабскаго лѣтописца Ибнеальспира татары познакомились съ Крымомъ при взятіи Судака въ 1224 году²⁾. Когда же, послѣ разоренія Руси, кочевники раскинулись со своими стадами по ея степямъ,—началось постепенное заселеніе Крыма, который по своимъ физиче-

¹⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. V т., 597 и 818 стр.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Тизенгаузена, 26 стр.

скимъ качествамъ представлялъ настоящее приволье для номадовъ. Прекрасныя пастбища, покрывающія всю степную часть Крыма, а также простирающіяся на сѣверный склонъ Таврическихъ горъ, благодатный климатъ, дозволяющій держать скотъ круглый годъ на подножномъ корму, богатство почвы и обиліе произрастеній¹⁾,—все это придавало Крыму особое значеніе въ глазахъ азіатскихъ пришельцевъ и неминуемо влекло ихъ въ этотъ благодатный уголокъ земли. Вотъ почему послѣ перваго же знакомства съ нимъ сюда одна за другой устремляются цѣлыя толпы кочевниковъ. Само собою разумѣется, это передвиженіе татаръ въ Крымъ совершилось не въ одиночку, а цѣлыми поколѣніями; каждое изъ нихъ шло подъ начальствомъ своего родоначальника. Изъ числа этихъ поколѣній особенно стали извѣстны: Ширины, Барыны, Мансурь, Сиджіуты, Аргины и Сулешевы или Яшлавы. Народное преданіе, живущее и донынѣ среди Крымскихъ татаръ, приписываетъ первоначальное заселеніе Крыма родоначальникамъ указанныхъ поколѣній, приведшимъ съ собою изъ приволжскихъ степей „свои племена“ или „свои народы“²⁾. Хотя это преданіе нуждается въ провѣркѣ, тѣмъ не менѣе имѣются историческія указанія о томъ, что эти родоначальники играли большую роль въ исторіи Крымскаго улуса, и нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своему вмѣшательству въ политическія дѣла Крыма и Золотой Орды, даже оставили свое имя въ исторіи. Такъ Ширинъ-тэгэне былъ ходатаемъ въ Золотой Ордѣ предъ Улу-Мухаммедомъ за русскаго князя Юрія Дмитріевича въ спорѣ послѣдняго съ Васпиємъ Темнымъ. Обиженный отказомъ Ширинъ поднимаетъ оружіе противъ хана въ союзѣ съ соперникомъ послѣдняго Кучукъ-Мухаммедомъ. Оказывается, что этотъ самый Ширинъ былъ главой могущественнаго поколѣнія Шириновъ и жилъ въ Крыму, куда приглашалъ зимовать съ собою въ 1431 г. и русскаго князя³⁾. Далѣе, глава того же поколѣнія, но уже въ союзѣ съ другимъ могущественнымъ родоначальникомъ — Барыномъ возводитъ на ханскій престолъ послѣ гибели Кадыръ-Бирди хана Улу Мухаммеда, а въ 1397 г. Барыны принимаютъ сторону Тохтамыша противъ Тимуръ-бега и тѣмъ оказываютъ ему перевѣсъ въ борьбѣ⁴⁾. Затѣмъ въ 1436 г. послѣ смерти Гыясъ-эд-Дина глава племени Мансуръ предлагаетъ престолъ нѣкому Бораку⁵⁾. О Сулешевѣ, главѣ

¹⁾ Histoire philosophique et politique du commerce de la navigation dans la mer Noire, Formaleoni. I, 80 p.

²⁾ См. ниже въ „Сборникѣ матеріаловъ“ родословную беевъ Ширинскихъ за № 55.

³⁾ Крымское ханство В. Смирнова, т. I, 205 стр.

⁴⁾ Description de la Crimée, Thounmann, 22.

⁵⁾ Крымское ханство, В. Смирнова, т. I, 206—207 стр.

поколѣнія того же имени, извѣстно, что онъ переселился въ Крымъ въ концѣ XIII в. по указанію Ногай¹⁾. Наконецъ, если принять за достовѣрное извѣстіе т. н. хроника Быховца подъ 1446 г., то оказывается, что родоначальника династїи крымскихъ хановъ — Гиреевъ призвали на царство „князья, уланы и мурзы *Ширинскіе* и *Бахрынскіе* (т. е. Баринскіе) и отъ всей орды Перекопской“²⁾. Мы не станемъ распространяться по поводу услугъ, оказанныхъ хану Тохтамышу Руктемиръ беємъ Ширинскимъ, о которыхъ говорится въ родословной послѣднихъ, на томъ основаніи, что свѣдѣнія объ этомъ нуждаются въ проверкѣ. Ограничиваясь поэтому простымъ указаніемъ приведеннаго свѣдѣнія, перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что при господствѣ патриархальнаго строя и слабости центральной власти въ Золотой Ордѣ, вся власть въ новообразовавшемся Крымскомъ улусѣ сосредоточилась въ рукахъ отдѣльныхъ мелкихъ державцевъ, и что такими были начальники того или другого поколѣнія. Эти мѣстные правители называются въ генуэзскомъ уставѣ 1449 года „тудунами“ или „владѣтельными князьями“³⁾. Такимъ былъ напр. Таюкъ, правитель Судака, который въ 1264 году встрѣтилъ посольство египетскаго султана къ хану Берке. Тогда же въ Солкатѣ (нынѣ Старый Крымъ) жилъ и другой правитель, Тукбуга, который, судя по извѣстію арабскаго бытописателя Эльмураддаля, былъ начальникомъ десяти тысячъ и въ то же время правителемъ Крыма⁴⁾. Далѣе, путешественникъ Ибнъ-Батута застаётъ въ томъ же Солкатѣ эмира Тулуктемира; при этомъ Ибнъ-Батута присовокупляетъ, что Тулуктемиръ заправлялъ всѣмъ Крымомъ отъ имени хана Узбека⁵⁾. Затѣмъ въ 1356 году правителемъ Крыма, какъ видно изъ „формы перенписи египетскаго султана съ правителями и старѣйшинами восточныхъ странъ“, ⁶⁾ былъ Зейнединъ Рамазанъ, съ которымъ Венеціанская республика въ томъ же 1356 году заключила торговый договоръ. Послѣ него утвердился Али-бегъ, сынъ Исы, внукъ Тулуктемира⁷⁾. Наконецъ въ 1380 году начальникомъ Солката и правителемъ Крыма былъ Черкесъ бей. Извѣстно, что онъ заключилъ

¹⁾ Ibid. 122.

²⁾ Исторія Россіи, Иловайскаго, т. II, примѣч. на 558 стр.

³⁾ „Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изд. въ 1449 г.“, въ V т. Зап. Одесск. Общ. Исторіи и Древн., 725 и 826 стр.

⁴⁾ Сборн. матер., относящ. къ исторіи Золотой Орды, Тизенгаузена, 63 и 192 стр.

⁵⁾ Ibid. 280 стр.

⁶⁾ Ibid. 350 стр.

⁷⁾ Ibid. 413 стр.

48654

съ генуэзцами договоръ отъ имени „хана Тохтамыша и Крымскаго народа“¹⁾, а спустя семь лѣтъ новый договоръ заключаетъ Кутлубуга²⁾, къ которому Тохтамышъ обращается, какъ къ „главному начальнику Крымскаго удѣла“³⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что какъ ни бѣдна свѣдѣніями исторія Крымскаго улуса, тѣмъ не менѣе можно съ достовѣрностью утверждать, что до возвышенія Гиреевъ въ новообразовавшемся улусѣ власть заключалась въ рукахъ мѣстныхъ правителей, и что такими были родоначальники или бен переселившихся въ Крымъ поколѣній. Къ какому же изъ числа указанныхъ выше шести поколѣній принадлежали тѣ или другіе изъ упомянутыхъ тудуновъ, за недостаткомъ свѣдѣній, невозможно даже приблизительно опредѣлить. Не подлежитъ сомнѣнію лишь то, что родоначальники переселившихся въ Крымъ татарскихъ поколѣній, будучи каждый главой своей группы, въ то же время были мѣстными правителями, или „владѣтельными князьями“ того раіона, который занимала управляемая имъ группа, при чемъ одинъ изъ родоначальниковъ считался главнымъ правителемъ Крыма и, надо полагать, жилъ въ Солкатѣ. Что касается другихъ, то они, можно думать, жили по сосѣдству съ Солкатомъ или нынѣшнимъ Бахчисараемъ, распространяясь оттуда во всѣ стороны. Такъ подлѣ Солката размѣстилось поколѣніе Шириновъ, гдѣ и теперь находятся родовыя владѣнія ихъ потомковъ. Недалеко отъ нихъ заняли мѣсто Аргины, гдѣ и до настоящаго времени уцѣлѣла часть родового ихъ владѣнія. Ниже по равнинѣ могли размѣститься Барыны, а вблизи Бахчисарая, въ мѣстности, гдѣ нынѣ находятся дер. Кучукъ-Яшлавъ и Біюкъ-Яшлавъ—Яшлавы (Сулешевы), и наконецъ отдѣльно отъ всѣхъ, въ степи—Сиджеуты и Мансуры. Оставляя болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о мѣстожителствѣ переселившихся съ Волги татарскихъ поколѣній до надлежащаго мѣста, замѣтимъ теперь только, что, за отсутствіемъ данныхъ, невозможно съ точностью опредѣлить границъ раіона, занимаемаго тѣмъ или другимъ поколѣніемъ.

Поселившись въ Крыму, кочевники пришли въ столкновеніе какъ съ греками, издавна обитавшими южный берегъ Крыма и сѣверный склонъ горъ, такъ равно—и съ генуэзцами, появившимися въ началѣ 2 пол. XIII в. въ Феодосіи и ея окрестностяхъ, а за симъ—и въ остальныхъ мѣстностяхъ юж-

¹⁾ Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Мурзакевича, 52 стр.

²⁾ Ibid. 55.

³⁾ Ярлыки Тохтамыша и Сеадетъ-Гирея, Григорьева, въ I т. Зап. Одесск. Общества Исторіи и Древн., 339 стр.

наго берега Крыма¹⁾. Съ греками татары познакомились немедленно вслѣдъ за появленіемъ своимъ въ Крыму. Распространившись на всю горную часть Крыма, татары очутились среди грековъ, издавна обитавшихъ т. н. Готію, или гористую часть Крыма отъ Инкермана до Судака, а также нѣкоторыя другія мѣста на сѣверномъ склонѣ Таврическихъ горъ, и вошли съ ними въ близкія связи, результатомъ которыхъ было то, что кочевники очень скоро осѣли на одномъ мѣстѣ и образовали со своими новыми сосѣдями упоминаемый въ генуэзскомъ уставѣ 1449 г. *общины деревень Готіи*, состоявшія подъ вѣдомствомъ викарія „*griregiae marinae Gotiae*“, т. е. южнаго берега между Балаклавой и Судакомъ²⁾. Что въ этихъ общинахъ населеніе было смѣшанное и состояло изъ грековъ и татаръ, видно какъ изъ официальныхъ данныхъ, относящихся ко времени ханскаго владычества въ Крыму³⁾, такъ и изъ того факта, что, по выводѣ въ 1779 г. грековъ изъ Крыма въ нынѣшній Мариупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи, осталось въ горной части Крыма, бывшей Готіи, и на южномъ берегу Крыма 66 греческихъ деревень, входившихъ въ составъ семи кадылыковъ (небольшихъ округовъ): бахчисарайскаго, мангупскаго, муфти-арпалыкскаго, акмечетскаго (симферопольскаго), карасубазарскаго, судакаго и ширинскаго,⁴⁾ и заключавшихъ въ себѣ смѣшанное населеніе изъ грековъ и татаръ. Когда въ 1784 г. по порученію кн. Потемкина собирались на мѣстѣ статистическія свѣдѣнія о вновь присоединенномъ краѣ и между прочимъ „о числѣ христіанскихъ деревень“, оставшихся послѣ вывода христіанъ изъ Крыма во владѣніи послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, то оказалось, что въ этихъ деревняхъ жили вмѣстѣ съ греками и татары, и таковыхъ въ 1784 г. оказалось 3126 душъ муж. пола⁵⁾. По словамъ собирателей вышеозначенныхъ свѣдѣній, „не было ни одной деревни, гдѣ бы не состояло татарскихъ дворовъ и мечетей“⁶⁾. Достойно при этомъ примѣчанія, что оставшіеся на мѣстѣ татары купили у своихъ односельчанъ 1042 двора, не считая дворовъ, купленныхъ въ деревняхъ Судакаго и Ширинскаго кадылыковъ⁷⁾.

¹⁾ Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Мурзакевича, 1—6 стр.

²⁾ Рецензія проф. Ф. Бруна на „*Atlante idrografico del medioevo*“, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. VIII, 293 стр.

³⁾ См. ниже въ „Сборникѣ“ документы за №№ 35, 82, 87 и др.

⁴⁾ „Камеральное описаніе Крыма 1784 г.“ въ Извѣст. Таврич. Уч. Архивн. Комм. № 7, 32, 42—43 стр.

⁵⁾ Ibid. 32 стр.

⁶⁾ Ibid. 30 стр.

⁷⁾ Ibid. 32.

Что касается сношеній татаръ съ генуэзцами, то вся исторія совмѣстной ихъ жизни представляетъ рядъ мирныхъ или враждебныхъ столкновений¹⁾. Лишь только появились въ Крыму генуэзцы, немедленно начались съ ними оживленные торговые сношенія, благодаря которымъ Солкаты, центръ татарскаго поселенія, сталъ богатѣть и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ многочисленныхъ городовъ Востока²⁾. Рядомъ съ мирными сношеніями происходили и враждебныя, благодаря которымъ Каффа, главное мѣстопробываніе генуэзцевъ, не разъ подвергалась разоренію со стороны татаръ, какъ это было напр. въ 1308 г.³⁾. Насколько близки были отношенія татаръ къ генуэзцамъ, видно изъ договоровъ, какіе заключались между ними. Такъ въ договорѣ, заключенномъ въ 1380 году, правитель Солката обязывается возвратить генуэзцамъ тѣ восемнадцать селеній⁴⁾, которыя отнялъ у нихъ Мамай, и кромѣ того уступалъ имъ „Готию“. Далѣе, по трактату, заключенному въ 1383 году, дозволялось татарамъ жить въ Каффѣ, при чемъ Каффскому правительству предоставлено было право разбирать тяжёбныя дѣла генуэзцевъ и татаръ, какъ живущихъ въ Каффѣ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ⁵⁾. Изъ устава же, изданнаго въ 1449 г. для генуэзскихъ колоній въ Крыму, видно, что въ Каффскомъ сенатѣ былъ даже особый писецъ, знающій татарскій языкъ, и переводчикъ, а „*ufficio della campana*“ (сельское управленіе) должно было вѣдать дѣла окрестныхъ татаръ, составлявшихъ вмѣстѣ съ остальнымъ греческимъ населеніемъ общины *деревень Готіи* (*comunitates locorum et casaliu Gottiae*)⁶⁾. Наконецъ извѣстно, что генуэзцы били даже монету для Джучидовъ⁷⁾.

Это знакомство азіатскихъ пришельцевъ съ греками и генуэзцами не могло не остаться безъ вліянія на первыхъ изъ нихъ. Самымъ главнымъ слѣдствіемъ этого знакомства было начало осѣдлаго быта татаръ и возникновеніе гражданственности. Обработка земли европейцами, разведеніе ими

1) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Мурзакевича, 6, 9, 27, 30 и др. стр.

2) Крымскій Сборникъ, Кеппена, 339—340 стр.

3) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Мурзакевича, 48—51.

4) Въ томъ числѣ: 1) *Casale Coxii* (нынѣ Козь), *C. Tarataxii* (Таракташъ), *C. de lo Sille* (Шелень), *C. de Carpati* (Арпатъ), *C. de la Scuto* (Ускутъ), *C. de Buzult* (Эльбузлы) и т. д.—селенія вокругъ Каффы.

5) „Уставъ для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изд. въ 1449 г.“ въ Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. V, 831 стр., 114 примѣч. В. Юргевича.

6) Ibid. 726 стр.

7) „Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ“, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. I, 301—314 стр.

виноградниковъ и огородныхъ овощей, оживленный обмѣнъ продуктовъ и привлекаемая ими отъ этого выгода, проистекающія отсюда матеріальная обезпеченность и связанный съ нею комфортъ, все это должно было отразиться тѣми или другими измѣненіями въ жизни татаръ и прежде всего привести къ извѣстнымъ хозяйственнымъ улучшеніямъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ является обработка ими земли въ большемъ чѣмъ прежде размѣрѣ. Будучи знакомы съ культурою нѣкоторыхъ хлѣбныхъ злаковъ, татары подъ воздействием европейцевъ занялись болѣе усиленной обработкой земли, доставлявшей имъ, извѣстный избытокъ. Какъ видно изъ устава генуэзскихъ колоній, изданнаго въ 1449 году, этотъ избытокъ доставлялся въ Кафу, куда направлялись обозы съ „пшеницей, просомъ и всякимъ хлѣбомъ“. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ хлѣбъ доставлялся изъ окрестныхъ селеній, въ которыхъ жили не одни греки, но, какъ мы видѣли выше, и татары. По мѣрѣ же усиленія обработки земли стала увеличиваться и цѣнность ея, и, можно полагать, что въ началѣ XV в. земледѣліе получило въ Крымскомъ улусѣ право гражданства. Такъ мы видимъ, что въ томъ же уставѣ 1449 г. земля квалифицируется у татаръ на „пахотную, луговую и пастбищную“¹⁾, а путешественникъ первой половины XV в. Иосафатъ Барбаро говоритъ о крымскихъ татарахъ, что они занимаются не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ и что они „сѣютъ просо и пшеницу и получаютъ обильную жатву“²⁾. Слѣдовательно, оказывается, что въ началѣ XV в. земля начала пріобрѣтать значеніе у татаръ не только какъ пастбище, но также какъ пахоть, и какъ таковая—особенно стала цѣниться. Кромѣ того, благодаря сосѣдству тѣхъ же грековъ и генуэзцевъ, татары познакомились съ искусствомъ разведенія садовъ и виноградниковъ³⁾, которыми дѣятельные европейцы покрыли большую часть горной части Крыма и южнаго его берега⁴⁾. Вліяніе въ данномъ случаѣ европейцевъ было таково, что поселившіеся среди нихъ татары пред-

¹⁾ „Уставъ для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданъ въ 1449 г.“ въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. V, 759 стр.

²⁾ Ibid, 742.

³⁾ Описаніе Крыма Мартина Броневскаго въ 1579 г., въ Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. VI, 348 стр. Mémoires du baron de Tott, II, 79.

⁴⁾ Въ т. н. „Камеральномъ описаніи землямъ и садамъ (Крыма) послѣ вывода христіанъ и выѣхавшихъ за границу мурзъ“, составленномъ въ 1787 и помѣщаемомъ нами въ сокращенномъ видѣ ниже, въ „Сборникъ“, заключается множество указаній на то, что сады и виноградники, принадлежащіе христіанамъ и татарамъ занимали въ горной мѣстности Крыма и на южномъ берегу обширную площадь. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ цифровыхъ данныхъ невозможно съ точностью опредѣлить размѣры этой площади.

почтительно стали заниматься садоводствомъ и винодѣліемъ и передали свою любовь къ этому занятію по наслѣдству.

Такимъ образомъ въ Крымскомъ улусѣ началъ утверждаться земледѣльческій строй. Въ связи съ этимъ произошла слѣдующая перемѣна въ общественномъ устройствѣ татаръ. Прежнія родовыя общины, переселившіеся изъ просторныхъ степей Золотой Орды, должны были осѣсть на одномъ мѣстѣ какъ потому, что площадь для пастбища домашнихъ животныхъ оказалась въ Крыму меньше, такъ и потому, что, вслѣдствіе обработки земли въ болѣе чѣмъ прежде размѣрѣ, необходимо было продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ. Само собою разумѣется, это осѣданіе происходило постепенно. Сначала, вѣроятно, стояли на одномъ мѣстѣ на время, для посѣва и уборки хлѣба, какъ это дѣлали татары въ степяхъ Золотой Орды, судя по описанію Юсафата Барбаро. Засимъ эти стоянки сдѣлались продолжительнѣе, и наконецъ вся группа избрала уже опредѣленное мѣстожителство, гдѣ сидѣла на одномъ мѣстѣ и занималась хозяйствомъ.

Въ этой осѣвшей на одномъ мѣстѣ группѣ хозяйство продолжало быть общимъ, не смотря на то, что трудъ могъ найти себѣ признанную эквивалентность и что появились денежные знаки, которыми возможно было соразмѣрять трудъ каждаго и повести къ индивидуализаціи имущества. Дѣло въ томъ, что хотя земледѣліе въ Крымскомъ улусѣ и получило право гражданства, однако оно не вытѣснило пастушеской культуры, основанной, какъ мы видѣли выше, на началахъ общаго сотрудничества въ дѣлѣ содержанія домашнихъ животныхъ, а потому воспитанная предшествующей жизнью идея общинности проникла и новый строй жизни, тѣмъ болѣе, что кровныя связи, продолжавшія держать вмѣстѣ всѣхъ членовъ группы, не благопріятствовали возникновенію имущественныхъ раздѣловъ. Вотъ почему, не смотря на новыя условія жизни татаръ въ Крыму, патриархальная группа продолжала оставаться нераздѣльной и по прежнему представлять изъ себя одну корпорацію сохозяевъ. Различіе лишь состояло въ томъ, что вмѣсто прежней пастушеско-родовой общины на сцену появилась *сельская, земледѣльческая община*.

Прослѣдить исторію постепеннаго развитія сельской общины въ Крымскомъ улусѣ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности, за неимѣніемъ данныхъ. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія о сельской общинѣ у татаръ относятся къ періоду существованія въ Крыму ханства, и потому мы принуждены отложить изложеніе означенныхъ свѣдѣній до надлежащаго мѣста. Замѣтимъ теперь только, что, судя по официальнымъ даннымъ, относящимся къ періоду существованія въ Крыму ханства, сельская община дѣйствительно успѣла развиться ко 2-ой половинѣ XV вѣка, такъ какъ въ послѣдующемъ столѣтіи она фигурируетъ въ документахъ въ качествѣ самостоя-

тельной землевладѣльческой единицы¹⁾. Что принципъ коллективнаго обладанія землею успѣлъ войти въ жизнь общества, видно изъ того, что въ уставѣ генуэзскихъ колоній 1449 г. заключается требованіе о томъ, чтобы участки земли, пріобрѣтенные у татаръ, должны были оставаться „на тѣхъ же правахъ свободы, какъ и прежде“, и далѣе ставится условіемъ, что „никто за пастбище скота не бралъ бы подѣ опасеніемъ штрафа“²⁾. Изъ этого мы заключаемъ, что понятіе о свободномъ и безпрепятственномъ отношеніи каждаго къ землѣ проникло во всеобщее сознаніе и раздѣлялось и сосѣдями татаръ генуэзцами потому, что ко второй половинѣ XV вѣка въ Крымскомъ улусѣ успѣла уже выработаться сельская община.

Кромѣ сельской общины въ Крымскомъ улусѣ успѣла развиваться и другая землевладѣльческая форма, получившая свой генезисъ одновременно съ первой. Мы видѣли выше, что родовладыки переселившихся въ Крымъ татарскихъ поколѣній, или беи, пользовались въ предѣлахъ своей группы большою властью, а внѣ ея—извѣстнымъ политическимъ значеніемъ, вслѣдствіе чего они представляли изъ себя своего рода державцевъ, заправлявшихъ тою мѣстностью, которую занимала подчиненная имъ группа. Какъ державцы, беи естественно старались воспользоваться принадлежащими имъ правами. Вотъ почему въ числѣ другихъ своихъ прерогативъ они весьма скоро присвоили себѣ право обладанія той землей, которую занимала управляемая ими группа. По мѣрѣ же развитія земледѣлія и осѣдлаго быта это право стало все болѣе и болѣе реализироваться, вслѣдствіе чего беи сдѣлались въ концѣ концовъ крупными землевладѣльцами. Такимъ путемъ возникъ бейликъ или поземельное владѣніе бея, владѣніе, соединявшее въ себѣ два элемента вотчиннаго права—частный и государственный, ибо къ прежнему патріархальному началу, исключительно опредѣлявшему раньше значеніе и роль родоначальниковъ, присоединилось теперь новое начало—территоріальное.

Такъ какъ документальныя свѣдѣнія о бейликѣ относятся къ болѣе позднему времени, ко времени существованія въ Крыму ханства, когда эта землевладѣльческая форма окончательно установилась, то ближайшимъ изученіемъ вопроса о бейликѣ мы займемся особо при разсмотрѣніи всѣхъ вообще формъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Теперь же перейдемъ къ указанію факторовъ, произведшихъ остальные формы крымско-татарскаго землевладѣнія, которыя хотя выработались окончательно въ періодъ существо-

¹⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“, документы за №№ 13, 14, 16, 17, 18, 64, 81, 86 и др.

²⁾ „Уставъ для Генуэзскихъ колоній“ въ Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. V, 742 стр.

ванія ханства, однако получили начало въ Крымскомъ улусѣ подѣ влияніемъ общественно-экономическаго строя послѣдняго.

Эти факторы порождены влияніемъ ислама, утвердившагося въ Крымскомъ улусѣ, какъ мы выше видѣли, въ началѣ XIV в. Представляя изъ себя кодексъ не только религіозныхъ, но и гражданскихъ уставовъ, отличающійся свойствомъ подчинять себѣ жизнь въ разныхъ ея проявленіяхъ, исламъ мало по малу началъ двигать и направлять всю жизнь крымскихъ татаръ, какъ духовную, такъ и гражданскую. Не смотря на то, что обычное право или *торэ* продолжало существовать и даже поддерживалось нѣкоторыми ханами¹⁾, тѣмъ не менѣе сила ислама была такова, что ко 2 п. XV в. онъ опредѣлялъ уже собою жизнь татаръ и устанавливалъ въ Крыму свой порядокъ вещей. Особенное же влияніе имѣлъ исламъ на складъ поземельной собственности, почему намъ необходимо сначала познакомиться съ ученіемъ его о правѣ собственности.

Это ученіе содержится въ коранѣ, какъ—первоисточникѣ мусульманскаго права, и въ дополняющихъ его: 1) *суннѣ*, заключающей въ себѣ преданія о словахъ и дѣйствіяхъ Магомета, 2) *толкованіяхъ* и *рѣшеніяхъ* первыхъ четырехъ халифовъ и основателей религіозныхъ мусульманскихъ сектъ: Ханифе, Шафин, Малика и Ханбали и, наконецъ, 3) позднѣйшихъ *фетвахъ* (рѣшеніяхъ) законовѣдцев²⁾. Содержащееся въ указанныхъ источникахъ право и есть то обязательное для всѣхъ мусульманъ-суннитовъ письменное право, которое извѣстно подѣ именемъ *шеріата* или, по мѣстному выговору, *шириата*. Шеріать, какъ письменное право, противопоставляется адету (адату) или обычному праву, дѣйствующему въ томъ случаѣ, когда нѣтъ указаній перваго³⁾. Въ Крымскомъ улусѣ шеріать утвердился въ уложеніи той школы, которая была основана однимъ изъ вышеназванныхъ четырехъ главныхъ толкователей корана—Ханпфе, и называется потому ханефитской. Изъ числа разнаго рода кодексовъ этой школы наиболѣе употребительными были въ Крыму—*Мультика*, составленная въ Турціи при Солиманѣ Великолѣпномъ (1520—1566) шейхомъ Ибраимомъ Галеби⁴⁾, засичъ *Гидайетъ*—трудъ извѣстнаго мусульманскаго юриста Бургану-д-дина Алія Ибнъ Абу Бекра аль Маргинани (+593)⁵⁾, и наконецъ Дуреръ, Кудури и Викайе, какъ второстепенные своды.

¹⁾ Крымское ханство, В. Смирнова, т. I, 311 и 597 стр.

²⁾ Полная картина Оттоманскія Имперіи. Труды Д'Оссона. Спб. 1795 г. т. I, предисловіе XIV—XXXII стр.

³⁾ Основныя начала мусульманскаго права, Фанъ-денъ Берга, 2 стр.—Особенности мусульманскаго права, барона Торнау, 6 стр.

⁴⁾ Полная картина Оттоманскія Имперіи, Д'Оссона, т. I, XXXIX стр.

⁵⁾ Основныя начала мусульм. права, Фанъ-денъ Берга, 15 стр.

Пользуясь имѣющимися въ нашемъ распоряженіи извлеченіями изъ Мультеки и Гидайета и руководствуясь общими указаніями корана, какъ главнаго источника мусульманскаго права, постараемся теперь изложить теорію поземельнаго права у мусульманъ въ томъ приблизительно видѣ, въ какомъ она существовала въ Крыму. Предварительно мы должны замѣтить, что въ мусульманскомъ законодательствѣ нѣтъ того, что мы называемъ теоріей поземельнаго права. Шеріатскія книги, по словамъ барона Торнау, не заключаютъ въ себѣ положеній объ имущественномъ правѣ, какъ отдѣльной части ученія о правѣ¹⁾, почему ни въ одной изъ нихъ мы не имѣемъ отдѣльнаго ученія о правѣ поземельной собственности. Это ученіе выводится изъ сопоставленія различныхъ частей шеріата, а именно изъ отдѣловъ: 1) о *зекаятъ* (милостыни), 2-е) *джихадъ* (священной войнѣ), 3) *мевагъ* (пустопорожнихъ земляхъ) и 4) о *вакфъ* (посвященіи). Въ указанныхъ отдѣлахъ шеріата и заключается вся теорія поземельнаго права мусульманъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія этихъ отдѣловъ, скажемъ нѣсколько словъ по поводу характера мусульманскаго ученія о правѣ собственности вообще. Подобно всему гражданскому праву мусульманъ, и ученіе о правѣ собственности не должно быть обсуждаемо съ точки зрѣнія понятій и принциповъ европейскаго законодательства, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя европейскія юридическія понятія и установленія не существуютъ въ мусульманскомъ правѣ, и наоборотъ, въ послѣднемъ имѣются такія установленія, которыхъ нѣтъ въ европейскихъ законодательствахъ²⁾. Далѣе, оно не отличается точностью и опредѣлительностью, въ особенности относительно разграниченія юридическихъ понятій о собственности отъ другихъ родственныхъ понятій—о владѣніи, пользованіи и ограниченіяхъ въ этихъ правахъ³⁾. Вотъ почему мусульманское ученіе о правѣ собственности имѣетъ вообще неопредѣленный характеръ. Наконецъ необходимо указать на то, что положеніе о зависимости гражданскихъ постановленій о правѣ собственности отъ религіозныхъ законовъ ислама не должно, какъ говоритъ баронъ Торнау, „вести къ заключенію о томъ, что всякое право на частную собственность поглощается правомъ теократическаго общевладѣнія имуществомъ“⁴⁾. Право частной собственности какъ на движимое, такъ и на недвижимое имущество установлено самими законами ислама, и оно дѣйствительно существуетъ

¹⁾ О правѣ собственности по мусульман. законод., барона Торнау, 4 стр.

²⁾ Особенности мусульманскаго права, барона Торнау, 9—11 стр.

³⁾ О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, барона Торнау, 1 стр.

⁴⁾ Ibid. 2 стр.

у мусульманъ, хотя нѣкоторые оріенталисты, какъ напр. Гаммеръ фонъ-Пург-сталь, Дюкорра, Перронъ и др., оспариваютъ его, указывая на то, что право собственности въ мусульманскихъ странахъ принадлежитъ государю, а мусульмане имѣютъ лишь право пользованія землею¹⁾. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что право поземельной собственности или *молкъ* дѣйствительно существуетъ у мусульманъ, будучи основано на изреченіяхъ самого корана, который ясно говоритъ, что у cadaго правовѣрнаго должна быть своя собственность (*мюлькъ*), не смотря на то, что „Богу принадлежитъ все, что есть на небесахъ и на землѣ“ (Суры II, 256; IV, 125, 130; XVI, 54; XXII, 63 и др.)²⁾. На этомъ основаніи коранъ и создалъ ученіе о милостини, которую каждый мусульманинъ долженъ удѣлять въ извѣстной мѣрѣ „изъ лучшихъ вещей, которыя онъ приобрѣлъ, изъ плодовъ, которыми Богъ велѣлъ произрасти на землѣ“³⁾. На признаніи же кораномъ права частной поземельной собственности основывается и другое ученіе ислама—о „возвратѣ“ или „посвященіи“ какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества «Богу, какъ творцу всего существующаго»,⁴⁾ ученіе, породившее въ мусульманскомъ правѣ особый институтъ, извѣстный подъ именемъ—вакфа или вакуфа. Дѣйствительно, самое существованіе вакфа доказываетъ, что частная собственность существовала и существуетъ у мусульманъ, ибо вакфомъ, какъ мы увидимъ ниже, можно сдѣлать только *лично принадлежащую въ собственность вещь*. Наконецъ въ 36 стихѣ IV суры корана мы читаемъ: «не присваивайте имущества, которыми Богъ отличилъ васъ однихъ предъ другими; мужчины будутъ имѣть часть, которую получили, и женщины часть, которую онѣ получили»⁵⁾. Это изреченіе не только подтверждаетъ фактъ существованія у мусульманъ права частной собственности, въ томъ числѣ и поземельной, но кромѣ того еще показываетъ, что коранъ ограждаетъ личную собственность во имя религіи и устанавливаетъ правиломъ, по которому собственниками могутъ быть не одни мужчины, но и женщины.

Мы не будемъ болѣе распространяться по вопросу о существованіи частной поземельной собственности по ученію мусульманскаго законодательства, такъ какъ ниже мы встрѣтимся съ самимъ фактомъ существованія въ Крыму подобной поземельной собственности.

¹⁾ О правѣ собств., 13—15 стр.

²⁾ Коранъ Магомета, пер. съ франц. Казимірскаго, 35, 72, 73, 191, 244 и др.

³⁾ Ibid. II, 269, 273, 275; III, 128; IV, 79; V, 15, 60; VIII, 5 и др.

⁴⁾ Ibid. XI, 123; LVII, 5 и LXXXV, 13 ст.

⁵⁾ Ibid. 62 стр.

Перейдемъ теперь къ изложенію ученія шеріата о поземельной собственности, заключающагося въ указанныхъ выше отдѣлахъ, пользуясь для этого Мультекой и Гидайетомъ.

1) Начнемъ ученіемъ о *зекаятъ*. Зекаятъ по Гидайету есть Божіе установленіе, обязательное для каждаго мусульманина; онъ состоитъ въ томъ, что съ извѣстнаго количества (*нисабъ*) имущества взимается извѣстный налогъ въ пользу бѣдныхъ или милостыня. Табъ, съ 5 верблюдовъ (это число составляетъ *нисабъ*, ниже котораго зекаятъ не взимается) полагается одна коза, съ 10 верблюдовъ—2 козы и т. д., съ 30 головъ рогатаго скота—1 годовалый теленокъ, съ 40 головъ—1 двухгодовалый теленокъ и т. д. съ одной лошади—динаръ, съ 2 лошадей—2 динара и т. д.¹⁾ Мы пропускаемъ подробности, а равно не указываемъ размѣра зекаята съ остальной движимости: товаровъ, золота и серебра и переходимъ къ изложенію ученія о *зекаятъ съ произведеній земли*. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гидайетъ: «со всего, что производитъ земля, взимается десятая часть, которая называется *ашуръ*, если поле орошается естественнымъ образомъ: ручьями, дождями; таково мнѣніе Абу-Ханифе. Ученики же его думаютъ, что десятинному сбору подлежатъ лишь урожан, при чемъ они опредѣляютъ количество (*нисабъ*), ниже котораго не взимается зекаятъ, именно—5 выюковъ хлѣба²⁾. Абу-Ханифе не допускаетъ *нисаба* и полагаетъ, что десятой части сбора подлежатъ даже имущества, объявленные вакуфомъ. Что же касается земель, орошаемыхъ искусственнымъ образомъ, то съ произведеній ихъ взимается половина сбора ($\frac{1}{20}$ годового дохода). Въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная земля орошается частью естественнымъ образомъ, частью искусственнымъ, десятая часть высчитывается сообразно главному способу орошенія³⁾. Этимъ мы закончимъ указанія шеріатскихъ книгъ относительно зекаята, такъ какъ изъ изложеннаго, по нашему мнѣнію, достаточно видно, что земля служила у мусульманъ объектомъ собственности и потому подлежала налогу, состоявшему въ сборѣ десятой части произведеній земли или *ашур'а* (ушур'а по мѣстному выраженію). На этомъ основаніи такія земли назывались *ашріе* или *ушүріе* и составляли личную собственность или *мюлькъ*.

2) Установивъ это воззрѣніе, перейдемъ къ слѣдующему отдѣлу—о *войнѣ* (сеиръ джихадъ) и изложимъ содержаніе этого вопроса по Мультекъ и Ги-

¹⁾ Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans, par M. Worms (Paris 1846 г.), 48—53 п.

²⁾ Около 1500 фунтовъ.

³⁾ Ibid. 55—56 п.

дайтеу¹⁾. Собственно говоря, для насъ важны лишь извѣстныя указанія изъ этого отдѣла. Поэтому мы опустимъ такія подробности, какъ напр. ученіе о войнѣ вообще, о законной добычѣ (ганиметъ), о плѣнныхъ (ушера), о мятежникахъ, о зимми или мусульманскихъ подданныхъ, платящихъ дань, и т. д., и займемся лишь той частью этого отдѣла, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему вопросу. Это, во-первыхъ глава, „о покоренныхъ странахъ“. Въ ней мы читаемъ слѣдующее: „Государь—господинъ надъ побѣжденными, а также надъ всѣми городами и мѣстностями покоренной страны; онъ можетъ распредѣлять земли своимъ солдатамъ подъ видомъ военныхъ удѣловъ (fiefs) (зіаметы и тимаріоты), или же раздать ихъ мусульманамъ подъ условіемъ ежегоднаго платежа десятой части съ произведеній земли. Такія земли—суть *десятинныя* (ерзъ ушуріе). Онъ можетъ также оставить земли въ странахъ, покорившихся добровольно, или принужденныхъ сдаться, или приобрѣтенныхъ силою оружія прежнимъ ихъ собственникамъ, налагая на эти земли подать, разъ навсегда опредѣленную, или ежегодно назначаемую пропорціонально доходности земли. Такія земли суть—*податныя* (ерзъ караджіе). Названіе каждой земли, будетъ ли это десятинная или податная, разъ оно установлено послѣ покоренія страны, не можетъ болѣе измѣняться. Исключеніе составляютъ земли Мекки, Арз-ел-Ааребъ (до Іеменъ-Мехре (Мехра) вдоль границъ Сиріи) и Бассоры (Басеры), которыя, хотя и находятся во владѣніи язычниковъ, но были объявлены пророкомъ и первыми четырьмя халифами—десятинными. Во всякое время государь воленъ располагать по своему усмотрѣнію пустопорожними землями имперіи, но онъ долженъ въ интересахъ государства сдѣлать ихъ десятинными. Государь воленъ уступить часть пустопорожнихъ земель, кому онъ найдетъ нужнымъ, но съ условіемъ годовой платы за пользованіе“. (Изъ Мультеки)²⁾.

Во вторыхъ, въ главѣ „о поземельной подати“ (караджи-ерази) мы находимъ слѣдующее: „Поземельная подать установлена на податныя земли, находящіяся во владѣніи одинаково какъ мусульманъ, такъ и немусульманъ. Она двоякаго рода: одна налагается на одни лишь продукты, другая—на землю. Первая называется *пропорціональною* податью (*караджи мукасиме*), другая—*опредѣленною* (караджи вазифе). Подать съ произведеній опредѣляется качествомъ почвы каждой мѣстности и доходитъ до пятой, четвертой, третьей части или половины произведеній земли. Поземельная подать опре-

¹⁾ Tableau generale de l'empire Ottoman, par de M. D'Ohsson, publié par M. M. D'Ohsson, fils de l'auteur, à Paris MDCCCXXIV, V t., 19—24, 50—53, 95 p. etc.

²⁾ Ibid. 95—97 p.

дѣляется плодородіемъ почвы и пространствомъ земли. Какъ первая, такъ и вторая подати, разъ установленныя по завоеваніи ея государемъ, остаются тѣмъ неизмѣнными. Само собою разумѣется, что подать съ произведеній земли должна сообразоваться со степенью урожая, тогда какъ разъ установленная подать должна взиматься каждый годъ, не взирая на счастливые или несчастные случаи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда владѣтель податной земли пренебрегаетъ ея обработкой, вслѣдствіе чего не въ состояніи платить подать, государь имѣетъ право отдать на откупъ эту землю и такимъ образомъ соблюсти интересъ общественной казны. Принято за правило, что никакая собственность, заключающаяся въ постройкахъ, кто-бы ни былъ ея собственникъ—мусульманинъ или немусульманинъ, не должна подлежать какому либо налогу“. (Изъ Мультеки)¹⁾.

Наконецъ, въ-третьихъ въ главѣ „о поголовной подати“ (джезіе) мы читаемъ: „Это поголовный налогъ, которому подлежатъ безъ различія всѣ подданные имперіи немагометане; они должны быть раздѣлены на три класса и платить сообразно состоянію—четыре, двѣ и одну серебряную драхму. Женщины, рабы, дѣти, немощные, монахи освобождены отъ уплаты поголовной подати. Наконецъ государь можетъ наложить джезію на всю массу жителей города или страны, а равно освобождать отъ него подданныхъ, исполняющихъ какую либо службу въ государствѣ“²⁾. Этой главой заканчивается изложеніе правилъ, заключающихся въ Мультекѣ, по интересующему насъ вопросу.

Гидайетъ полнѣе развиваетъ эти правила. Съ цѣлью дополнить ученіе Мультеки, сообщимъ содержаніе одной главы изъ Гидайета. Это глава „о десятинахъ и подати (ашрѣ и караджи)“. „Ашрѣ, читаемъ мы въ этой главѣ, обозначаетъ десять, караджи—продуктъ земли и плату за трудъ рабовъ; законъ понимаетъ подъ нимъ всякій налогъ, предварительно высчитанный въ родѣ таксы на землю или на личность демміа (немусульманина), и подобное обложеніе называется *джезія*, что значитъ—поголовная подать....³⁾ Земли, которыя составляютъ собственно Аравію,—десятинные (или ашурп), а земли Ирака—податныя или караджи. Тѣмъ не менѣе необходимо замѣтить, что земли Ирака составляютъ собственность жителей, которые могутъ законно располагать ими и продавать, такъ какъ имамъ каждый разъ, послѣ покоренія какой либо страны, воленъ возвратитъ жителямъ ихъ владѣніе и наложить на ихъ территорію и на нихъ самихъ налогъ и поголовную подать. Разъ это случилось, страна остается собственностью жителей. Земли, владѣ-

¹⁾ Ibid. 19—22 p.

²⁾ Ibid. 24 p.

³⁾ Мы пропускаемъ слѣдующее далѣе опредѣленіе границъ Аравіи и Ирака.

тели которыхъ стали мусульманами, и земли, раздѣленные имамомъ между войсками, суть земли—десятинныя (ашръ); наоборотъ земли, покоренныя оружіемъ и возвращенныя обратно прежнимъ ихъ обитателямъ, суть земли податныя (караджи), и налогъ съ нихъ слѣдуетъ даже въ томъ случаѣ, когда онѣ не обрабатываются. Земли, орошаемыя рѣками—податныя(?), тѣ же которыя орошаются родниками—десятинныя(?). Расчищенная пустопорожняя земля становится десятинной или податной, смотря по характеру сосѣднихъ земель или по способу ея орошенія.—Налогъ установленъ на земли Ирака халифомъ Омаромъ: на каждый юрибъ орошаемой земли—одинъ саа и одинъ диргемъ; на каждый джерибъ луга—пять дирмовъ; для виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ—десять дирмовъ на джерибъ земли, засаженной виноградомъ и пальмами. Джерибъ земли—мѣра 60 персидскихъ драа, имѣющихъ семь пансовъ въ длину.—Законовѣдцы полагаютъ, что налогъ не долженъ превосходить цѣны половины продуктовъ земли. Налогъ можетъ быть уменьшенъ въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ неурожая и т. д., но никогда не должно быть взимаемо болѣе того, что слѣдуетъ. Принятіе собственникомъ земли ислама не уничтожаетъ налога, который связанъ съ землею. Податная земля при переходѣ отъ диммія къ мусульманину остается податной. Десятина съ продуктовъ не взимается съ податныхъ земель¹⁾.

Дѣлая выводъ изъ ученія шеріатскихъ книгъ о войнѣ, мы получаемъ слѣдующія указанія по вопросу о поземельномъ правѣ у мусульманъ. 1-е) Государь—владѣтель земли или страны, покоренной оружіемъ и составляющей „даръ уль-харбъ“, а также—пустопорожнихъ земель. 2-е) Земли въ даръ-уль-харбѣ раздѣляются на десятинныя (ашръ) и земли, обложенныя налогомъ (караджи). Послѣдній—двойкаго рода: *караджи мукассиме*, т. е. налогъ въ размѣрѣ извѣстной части, сообразно степени урожая, или *караджи вазифе*, налогъ въ опредѣленномъ для земель Ирака размѣрѣ. 3-е) Въ случаѣ необработке, земля караджіе можетъ быть отнята государемъ и отдана другому.

Такимъ образомъ мы видимъ, 1) что государю принадлежитъ, по ученію мусульманъ—*право обладанія* землями въ даръ-уль-харбѣ и пустопорожними и 2) что *право собственности* въ странахъ, покоренныхъ силою оружія—приобрѣтается, между прочимъ, *участіемъ въ распредѣленіи военной добычи*.

3) Третій отдѣлъ шеріата, изъ котораго могутъ быть почерпнуты нужныя свѣдѣнія для выясненія поземельнаго права мусульманъ, это отдѣлъ о *пустопорожнихъ земляхъ* (адіе или нхи—ел-мевать).

Изложимъ сначала ученіе объ этомъ Мультеки. «Пустопорожней земель

¹⁾ Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans, par M. Worms, 79—81 p.

называется такая, которая ничего не производит и никому не принадлежит. Всякій, кто бы онъ ни былъ, разъ распахиваетъ пустопорожнюю землю, приобретаетъ ее въ собственность и можетъ располагать ею свободно, согласно словамъ пророка: *«кто оживляетъ мертвую землю, тотъ приобретаетъ ее въ собственность»*¹⁾, хотя при этомъ нужно имѣть формальное дозволеніе государя. Исключеніе составляютъ земли, прилежащія къ воздѣлываемымъ землямъ, гдѣ складываютъ сжатый хлѣбъ и сѣно. Согласно ученію имама Эбу-Юсуфа, не должно считать пустопорожними земли, хотя и лежащія впустѣ, но находящіяся на разстояніи не болѣе 400 шаговъ отъ воздѣлываемыхъ земель. Кто окружаетъ камнями или хворостомъ пустопорожнюю землю и оставляетъ ее необработанною въ продолженіи трехъ лѣтъ, не можетъ приобрести такую землю въ собственность. Кто вырылъ на пустопорожней землѣ колодезь или бассейнъ, дѣлается собственникомъ какъ его, такъ и вокругъ лежащей земли на пространствѣ 40 шаговъ, но если онъ нашелъ источникъ проточной воды, то право на близъ лежащую землю вокругъ этого источника простирается до 500 шаговъ. Наконецъ кто посадилъ дерево на пустопорожней землѣ, становится собственникомъ какъ посаженного имъ дерева, такъ и окружающей его земли до пяти шаговъ²⁾.

Въ Гидайтѣ ученіе о меватѣ изложено болѣе подробно. Вотъ что мы читаемъ въ немъ: *«Меватъ»* обозначаетъ непродизводительную землю по причинѣ недостатка воды, или ея обилія, или другого какого либо обстоятельства, затрудняющаго ея обработку. Она называется *«меватъ»* или мертвой потому, что не приноситъ никакой пользы. Всякая земля, никому не принадлежащая и находящаяся въ запустѣніи, или служившая нѣкогда собственностью мусульманина, но теперь неизвѣстно — чья, и которая въ то же время на столько удалена отъ поселенія, что оттуда не слышенъ человѣческій голосъ, составляетъ *«меватъ»*. Всякій, кто обрабатываетъ, съ дозволенія имама, пустопорожнюю землю, приобретаетъ ее въ собственность. Абу-Ханифа считаетъ дозволеніе имама необходимымъ условіемъ. Ученики же его полагаютъ, что обрабатывающій пустопорожнюю землю приобретаетъ ее въ собственность безъ соизволенія на то имама. *«Мертвая»* земля, будучи обрабатываема, подлежитъ уплатѣ десятиннаго сбора, если только не орошается водой, подлежащей налогу (напр. общественными канавами или судоходной рѣкой). По мнѣнію нѣкоторыхъ законовѣдцевъ, тотъ имѣетъ болѣе право на собственность расчищенной земли, кто ее постоянно воздѣлываетъ, а не тотъ, кто, разъ расчистивъ ее, потомъ по-

1) Men ih lya azsen meitetén féhuvé léhy.

2) Tableau generale de l'empire Ottoman, par de M. D'Ohsson, publié par M. M. D'Ohsson, fils de l'auteur, VI v. 122—123 p.

кидаетъ. Вообще признано, что тотъ, кто бросаетъ расчищенную имъ землю, имѣетъ право вернуть ее себѣ, ибо онъ „возвратилъ мертвую природу къ жизни“. Если кто-нибудь обрабатываетъ впустѣ лежащую землю, и за нимъ является четверо другихъ воздѣлывать сосѣднюю пустопорожнюю землю, и они закрываютъ первому выѣздъ на его землю, то дорогу прокладываютъ черезъ землю послѣднихъ. Диммій, воздѣлывая пустопорожнюю землю, дѣлается собственникомъ ея, какъ и каждый мусульманинъ. Если кто-нибудь разгородить камнями или какимъ-нибудь другимъ образомъ извѣстный участокъ земли и оставить его безъ обработки въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ такомъ случаѣ имамъ можетъ отнять эту землю и отдать ее другому, на томъ основаніи, что земля должна быть производительною и приносить пользу мусульманской общинѣ сборомъ десятины или подати.—Не должно обрабатывать пустопорожнюю землю сплошь до воздѣлываемыхъ, чтобы имѣть извѣстное пространство земли свободнымъ для пастбища или для устройства гумна смежныхъ владѣльцевъ. Сверхъ того законовѣдцы полагаютъ, что имамъ вообще не имѣетъ права предоставлять въ исключительное распоряженіе одного лица вещь, необходимую для всей мусульманской общины, напр. колодезь, солончакъ и т. д. Кто роетъ колодезь на пустопорожней землѣ, тотъ имѣетъ право на извѣстное пространство окружной земли. Если изъ этого колодца вода извлекается посредствомъ верблюдовъ, то окружность на близъ лежащую землю обнимаетъ 40 дра; если пользуются вычнымъ животнымъ для извлечения воды, тогда окружность составляетъ 60 дра, а если это источникъ, то окружность обнимаетъ 500 дра. На такой окружности запрещается другому рыть колодезь. Пространство же земли, на которой посажено фруктовое дерево и которая поступаетъ въ собственность посадившаго его, заключаетъ пять дра⁽¹⁾.

Такимъ образомъ изъ ученія о „пустопорожнихъ земляхъ“ можно вывести слѣдующія указанія:

1-е) Пустопорожняя земля становится собственностью того, кто занялся ея обработкой и воздѣлываетъ ее въ продолженіе трехъ лѣтъ. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ указаніе на тотъ способъ приобрѣтенія права поземельной собственности, который имѣетъ особенное значеніе въ мусульманскомъ правѣ и состоитъ въ томъ, что имущество, приобрѣтенное личнымъ трудомъ, дѣлается полною собственностью по праву первовладѣнія²⁾. При этомъ необ-

¹⁾ Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans, par M. Worms, 89—91 p.

²⁾ О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, барона Торнау, 72 стр.

ходимо замѣтить, что право собственности переходитъ и на обзаведенія, сдѣланныя на воздѣлываемой землѣ, напр. на колодцы, каналы и т. д., а равно и на извѣстное пространство окружающей такіа обзаведенія земли.

2-е) Право собственности на пустопорожнюю землю прекращается, разъ земля перестаетъ быть воздѣлываемой и переходитъ въ разрядъ т. н. „мертвыхъ земель“.

и 3-е) Право верховнаго обладанія пустопорожней землею принадлежитъ государю, который распоряжается отдачей земли для воздѣлыванія и вообще слѣдитъ за тѣмъ, чтобы она не лежала въ запустѣніи.

Итакъ *мева*тъ составляетъ такой родъ поземельной собственности, которая находясь *de iure* въ верховномъ обладаніи государя, фактически превращается въ *мюлькъ*,—въ полную собственность, разъ къ ней примѣняется принципъ „оживленія мертвой природы“, т. е. разъ она обрабатывается.

4) Наконецъ изложимъ ученіе о вакфѣ. Приведемъ сначала ученіе объ этомъ Гидайета. Вотъ оно: „Вакфъ—такая вещь, право собственности надъ которою принадлежитъ Богу, а человѣку остается только право пользованія. Разъ установленный вакфъ становится безусловнымъ и неотчуждаемымъ: онъ не можетъ быть ни отнятъ, ни подаренъ, ни проданъ, ни переданъ по наслѣдству. Законность вакфа устанавливается или юридическимъ актомъ или врученіемъ вакфа специально назначенному правителю надъ вакуфами (*мутевелли*). Учредитель вакфа имѣетъ лишь то отношеніе къ вакфу, что можетъ оставить для себя, или для своихъ дѣтей, или вольноотпущенниковъ право пользованія имъ. Съ того момента, какъ учрежденъ вакфъ, онъ перестаетъ быть собственностью учредителя и вообще не можетъ быть чьей-либо собственностью; въ противномъ случаѣ вакфъ перестаетъ быть неотчуждаемымъ и иммобилизованнымъ имуществомъ и можетъ быть проданъ подобно всякой другой собственности.—Обращеніе въ вакфъ всякаго недвижимаго имѣнія—законно; можно также сдѣлать вакфомъ оружіе, лошадей, книги и т. д. Продажа и передача подъ тѣмъ или другимъ видомъ вещи, сдѣланной вакфомъ, незаконна и недействительна. Пророкъ сказалъ Омару: „располагайте этой землею съ благотворительной цѣлью такимъ образомъ, чтобы она не могла быть ни продана, ни подарена, ни обращена въ наслѣдство“. Необходимо, чтобы изъ доходовъ всякаго вакфа, даже если онъ установленъ для бѣдныхъ, употреблялась извѣстная сумма на поддержаніе его въ порядкѣ.—Если кто отказывается поддерживать недвижимость, которою онъ пользуется, какъ вакфомъ, или не имѣетъ на это средствъ, то мутевелли отдаетъ недвижимость въ аренду, а на полученную сумму производитъ нужный ремонтъ, послѣ чего недвижимость снова возвращаетъ тому, кто пользуется ею, какъ вакфомъ. Этимъ путемъ соблюдаются интересы какъ учредителя вакфа, такъ

и того, кто имъ пользуется, ибо безъ надлежащаго ремонта имущество разстроится, и тогда какъ учредитель, такъ и пользующійся вакфомъ одинаково потерпятъ ущербъ....¹⁾ Что касается отдачи въ наемъ недвижимости, то въ этомъ случаѣ необходимо придерживаться тѣхъ правилъ, которыя установлены учредителемъ вакфа, если такія правила имѣются; въ противномъ же случаѣ нельзя отдавать въ аренду землю болѣе чѣмъ на три года, а остальную недвижимость не болѣе какъ на одинъ годъ. Арендная плата устанавливается по курсу и по оцѣнкѣ; не слѣдуетъ увеличивать ее съ цѣлью барыша. Тотъ, въ пользу котораго учрежденъ хубусъ (вакфъ), не имѣетъ права отдавать его отъ себя въ наемъ; это можетъ слѣлать или установленная власть, или особый правитель (надъ вакфами).—Вакфъ не можетъ быть ни заложенъ, ни отланъ займа, но въ извѣстныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей можетъ быть обмѣненъ. Если учредитель вакфа предоставилъ себѣ управленіе вакфомъ, и если онъ плохо расплачивается со своими долгами, то управленіе вакфомъ отбирается у него даже вопреки условіямъ его учрежденія²⁾.

Теперь приведемъ ученіе о томъ-же Мультеки. „По ученію Ханифе, вакуфъ (вакфъ) есть посвященіе (хубусъ) предмета (айнъ), составляющаго собственность (мюлькъ) посвящителя, съ цѣлью предоставить доходъ съ посвященнаго предмета въ пользу бѣдныхъ или на благотворительныя дѣла вообще. Нѣкоторые законовѣдцы, имѣя въ виду то, что самъ по себѣ доходъ безъ вещи (объекта) не можетъ существовать, отвергаютъ возможность существованія вакуфа, ибо нельзя жертвовать того, что не существуетъ. Но по всеобщему признанію ханефитскихъ законовѣдцевъ вакуфъ возможенъ и дѣйствителенъ. Право собственности посвящителя (вокифа) прекращается на посвящаемый предметъ только тогда, когда лицо, облеченное судебною властью, постановитъ опредѣленіе объ учрежденіи вакуфа и о прекращеніи потому права собственности учредителя на него. Напримѣръ, вокифъ передалъ хубусъ мутевелли, но затѣмъ почему-либо отказывается и требуетъ обратно предъ кадіемъ (судьей) свой вакуфъ; если кадіи постановилъ уже опредѣленіе объ учрежденіи вакуфа, тогда вакуфъ дѣлается уже обязательнымъ и право собственности на него вокифа уничтожается.—По мнѣнію имамовъ Эбу-Юсуфа и Мухаммеда, вакуфъ есть посвященіе извѣстнаго предмета въ собственность Богу съ тѣмъ, чтобы доходъ съ посвящаемаго предмета былъ употребленъ въ пользу Его рабовъ. Принимая это въ соображеніе, слѣдовало бы заклю-

¹⁾ Здѣсь мы пропускаемъ подробности относительно ремонта построекъ.

²⁾ *Recherches sur la constitution de la propriété territoriale*, par Worms, 448—451 p.

чить, что вакуфъ становится обязательнымъ, и право собственности вокифа прекращается на хубусъ съ момента произнесенія послѣднимъ формулы „вакафте хазельшей“, что значитъ: я сдѣлалъ вакуфомъ сію вещь. Но съ этимъ не соглашается имамъ Мухаммедъ. По его мнѣнію, обязательность вакуфа и прекращеніе на него права собственности вокифа обуславливается передачей самого предмета мутевелли; иначе говоря, произнесеніе вышеприведенной формулы недостаточно, чтобы вакуфъ былъ дѣйствительно установленъ и прекратилось бы на него право собственности вокифа; только послѣ передачи мутевелли вакуфъ безусловно становится обязательнымъ, и право собственности на него вокифа уничтожается совершенно. Посвященіе недвижимости дѣйствительно: общество сподвижниковъ пророка (асгабы и анзары) посвящали недвижимости.— По мнѣнію имамовъ Эбу-Юсуфа и Мухаммеда, посвященіе движимости также возможно, не смотря на то, что по кинасу (толкованіемъ главнѣйшихъ имамовъ) оно не могло имѣть мѣста, ибо къ движимости не можетъ быть примѣненъ принципъ „увѣковѣченія“, безъ чего немислимо самое учрежденіе вакуфа. Мнѣніе о возможности учрежденія изъ той или другой движимости вакуфа основано на слѣдующемъ изреченіи пророка, сказанномъ имъ Омару, когда послѣдній жаловался на Халида, что онъ отказывается платить зекятъ: „не жалуйтесь на Халида, ибо онъ на пути Божіемъ сдѣлалъ хубусъ свои доспѣхи и домашнихъ животныхъ“¹⁾.

Объединяя свѣдѣнія Гидайета и Мультеки о вакфѣ, мы находимъ слѣдующее:

1) Вакфъ (или вакуфъ)—такой видъ движимой или недвижимой собственности, который сохраняетъ за собою одно лишь право пользованія, по нашему—узуфрукта, право же обладанія и распоряженія такою собственностью иммобилизовано.

2) Цѣль учрежденія вакуфа—способствовать какому-либо богоугодному или благотворительному дѣлу. На средства вакуфовъ содержатся обыкновенно мечети, монастыри, школы, богадѣльни и т. д.

3) Разъ вакуфъ установленъ, онъ дѣлается обязательнымъ и неотчуждаемымъ и составляетъ уже заповѣдную собственность.

4) Попечительство надъ вакуфами принадлежитъ государству, которое назначаетъ отъ себя особаго мутевелли, наблюдающаго за тѣмъ, чтобы вакуфъ оставался въ цѣлости и въ то же время приносилъ доходъ.

Указанный видъ посвященія имущества съ благотворительною цѣлью составляетъ собственно законный вакфъ, или вакфъ-шеръ въ отличіе отъ обыч-

¹⁾ Переводъ, сдѣланный Біарслановымъ изъ „Мультеки уль-Эбхоръ“, глава о вакуфѣ, 367 и 368 стр.

наго вакфъ-адет'а, которымъ имущество иммобилизуется, но пользование имъ предоставляется самому вакфу и его потомству. Цѣль учрежденія вакфъ-адета—охраненіе собственности отъ какихъ-либо посягательствъ. Подобнымъ учрежденіемъ собственность пріобрѣтаетъ религіозный характеръ и охраняется какъ достояніе Творца всѣхъ имуществъ, къ Которому посвященное имущество фактивно и возвращается. Если этимъ посвященіемъ имѣется въ виду оградить интересы потомства, какъ мужского, такъ и женскаго, и въ пользу ихъ учреждается вакуфъ, то такой вакуфъ называется *эвлядъ*, а если только одного мужского, то — *эбнай вакуфъ*¹⁾.

Изложивъ ученіе шеріата о поземельномъ правѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Шеріатъ различаетъ нѣсколько разрядовъ поземельной собственности. Первый разрядъ—это *мюлькъ*, составляющій полную собственность. Этотъ мюлькъ включаетъ въ себѣ: *десятинныя земли* или *ушуріе*, находящіяся во владѣніи мусульманъ, и *земли караджіе*, предоставленныя жителямъ-немусульманамъ, съ обязательствомъ платежа налога. Далѣе слѣдуютъ: *миріе* или государственная собственность, затѣмъ *мезкуфе*—посвященныя, непосредственно земли, *метруке*—предназначенныя ко всеобщему пользованію, и наконецъ *меватъ*—пустопорожныя, необработанныя земли²⁾.

2) Право собственности на движимыя и недвижимыя имущества пріобрѣтается: а) правомъ первообладанія; б) правомъ участія въ распредѣленіи военной добычи; в) правомъ наслѣдства; г) въ силу гражданскихъ сдѣлокъ, совершаемыхъ по шеріату, и д)—въ силу пожалованія имамомъ или свѣтскимъ государемъ имуществъ, которыми они въправѣ располагать³⁾.

3) Имамъ или свѣтскій властитель, въ качествѣ главы государства, располагаетъ: а) всѣми землями въ его государствѣ, никому не принадлежащими въ собственность; б) пустопорожними, необработанными и в) тѣми участками земель, которые были обработаны невѣрными, но ими покинуты, а также г)—всѣмъ тѣмъ имуществомъ, которое по шеріату поступаетъ въ *фей*, или т. н. мирную казну мусульманъ⁴⁾.

4) Предоставленіе частнымъ лицамъ земель по пожалованію верховною

¹⁾ О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, барона Торнау, 23 стр.

²⁾ Основныя начала мусульманскаго права согласно ученію имамовъ Абу-Халифы и Шафін, Фанъ-денъ-Берга, 87—90 стр.

³⁾ О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, барона Торнау, 72 стр.

⁴⁾ Ibid. 75 стр.

властью для обработки, въ пользованіе или во владѣніе подкрѣпляется по шеріату особыми актами, называемыми *иктаа*. По мнѣнію Маверди, одного изъ наиболѣе авторитетныхъ послѣдователей Ханпфе, *икта-ел-султанъ* означаетъ пожалованіе земли во владѣніе и въ пользованіе. Въ первомъ случаѣ иктаа предоставляетъ полное право собственности и называется *икта-атем-ликъ*, во второмъ—право узуфрукта и называется *иктаа-истиглоль*. Послѣдній родъ иктаа, судя по разъясненіямъ другого законовѣдца, Ибнъ-Джемаата, въ свою очередь раздѣляется на иктаа-истиглоль или по нашему—узуфруктъ, и на *иктаа истирфокъ*, дающій право лишь временнаго пользованія. Иктаа можетъ быть дано: а) на земли, никѣмъ не обрабатываемыя, б) на земли, пришедшія въ запустѣніе, и в) на земли, поступившія во владѣніе государя, вслѣдствіе завоеванія страны¹⁾.

Чтобы дополнить изложенную нами въ краткихъ чертахъ теорію поземельнаго права у мусульманъ, скажемъ въ заключеніе, что, по мнѣнію мусульманскихъ юристовъ, предметы, существующіе на землѣ безъ помощи человѣческаго труда, какъ напр. дѣса, дикорастущія деревья, пастбища, минералы, вода и т. д. не могутъ быть предметомъ частной собственности²⁾ на томъ основаніи, что по словамъ корана, „это Богъ, кто ниспосылаетъ съ неба воду, чтобы ею оживить страну и напоить безконечное число животныхъ и людей“³⁾; „кто сотворилъ“, спрашиваетъ далѣе коранъ, „небеса и землю, кто посылаетъ вамъ воду? При помощи воды, мы производимъ вамъ эти улыбающіеся сады, ибо не вы возвращаете ихъ деревья“, и этимъ, по заключенію законовѣдцовъ, коранъ объявляетъ никому непринадлежащимъ все то, что существуетъ на землѣ въ силу естественныхъ законовъ бытія.

Объединяя свѣдѣнія, изложенныя въ настоящей главѣ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Жизнь татаръ подверглась въ Крымскомъ улусѣ значительнымъ измѣненіямъ, зависящимъ какъ отъ естественнаго роста, такъ въ особенности отъ соприкосновенія татаръ съ культурными европейцами. Результатомъ этихъ измѣненій было развитіе осѣдлости и утвержденіе земледѣльческаго строя въ Крыму, вслѣдствіе чего прежнія пастушеско-родовыя общины татаръ превратились въ сельскія, связанныя интересами сосѣдства

¹⁾ Recherches sur la constitution de la propriété dans les pays musulmans, par M. Worms, 96—97 p.

²⁾ О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, барона Торнау, 5 стр.

³⁾ Коранъ Магомета, пер. съ фр. Казимірскаго, XXV, 50 и 51; XXVII, 61, 65 и XXX, 47.

и владѣнія земель, а главы переселившихся въ Крымъ татарскихъ поколѣній, кромѣ своего политическаго значенія, приобрѣли еще территоріальное значеніе, и этимъ положили начало въ Крыму особаго рода поземельному владѣнію политическаго характера, сдѣлавшемуся извѣстнымъ въ ханствѣ подъ именемъ бейлика. Въ то же время утвержденіе ислама въ Крыму принесло съ собою новый кодексъ понятій и правилъ, по которымъ стала укладываться какъ религіозная, такъ и гражданская жизнь татаръ. Подъ вліяніемъ этихъ правилъ и понятій выработались тѣ формы поземельнаго владѣнія въ Крыму, изъ которыхъ однѣ, напр. мевкуфе—посвященные и мевать—„мертвыя“ земли извѣстны только въ мусульманскихъ странахъ, а другія, какъ милюкъ, миріе и метруке, хотя и имѣютъ универсальный характеръ, но сложились подъ воздѣйствіемъ ислама и въ силу тѣхъ или другихъ бытовыхъ условий.

Разсмотрѣніемъ этихъ условий, а равно и другихъ общественныхъ измѣненій, которымъ подверглась жизнь татаръ въ періодъ существованія Крымскаго ханства, мы и займемся въ слѣдующей главѣ, съ цѣлью исчерпнуть вопросъ о постепенномъ развитіи тѣхъ или другихъ формъ крымско-татарскаго землевладѣнія.

III.

Развитіе поземельныхъ формъ въ Крымскомъ ханствѣ. Утвержденіе центральной власти и образованіе ханскаго землевладѣнія (*ерзъ миріе*) и помѣстнаго (*ерзъ мемлекетъ*). Политическое значеніе бейскихъ родовъ: Шириновъ, Барыновъ, Мансуровъ, Сиджіутовъ, Аргиновъ и Яшлавовъ; карачи-бейство; установленіе бейлика: Суверинетъ Отманской Порты и возникновеніе султанскаго землевладѣнія (*ерзъ миріе султаніе*). Образованіе поземельныхъ формъ въ ханствѣ по ученію шоріата: десятинные (*ерзъ ушуріе*), вакуфныя и пустопорожныя земли. Принципы общинности и утвержденіе сельской общины (*джемаатъ*). Вакфъ-адеть.—Общій выводъ изъ сказаннаго.

Ко второй половинѣ XV в. разрозненныя части Крымскаго улуса достигаютъ объединенія подъ властью Хаджи-Гирея, именемъ котораго начинается исторія крымскаго ханства¹⁾. Съ этого времени Крымъ образуетъ одно государство съ центральною властью во главѣ, сдѣлавшеюся наслѣдственною въ родѣ Гиреевъ, и совершенно уже отдѣляется отъ Золотой Орды. Новая власть основывалась какъ на преемствѣ во власти Чингизъ-хана, такъ и на новомъ

¹⁾ Исторія Херсонеса Таврійскаго, Богуша-Сестренцевича, 2 т., 254—258 стр.

источникѣ, приносящемъ собою религиозное освященіе, на мусульманскомъ ученіи объ имамѣ. Согласно этому ученію во главѣ мусульманскаго государства стоитъ государь или имамъ, какъ преемникъ (халифъ) пророка и представитель Аллаха на землѣ¹⁾. Въ своей власти онъ ограничивается только закономъ, исходящимъ отъ одного Аллаха; никакого другого ограниченія его власть не знаетъ. Народъ же обязанъ только во всемъ повиноваться ему, почитать его и помогать²⁾. Кромѣ того, какъ преемникъ пророка, имамъ въ числѣ другихъ своихъ правъ пользуется извѣстнымъ уже намъ правомъ верховнаго обладанія землею, которое, по ученію мусульманскихъ юристовъ, перешло отъ Магомета къ первымъ халифамъ, а отъ нихъ къ настоящимъ свѣтскимъ властителямъ³⁾. Изъ соединенія ученій о преемствѣ во власти пророка и преемствѣ во власти Чингизъ-хана и возникла та основа, на которой покоилась теоретически ханская власть въ Крыму⁴⁾.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ осуществлялась на практикѣ эта власть. Для насъ цѣли достаточно указать, что утвержденіе ханской власти въ Крыму явилось дѣйтельнымъ факторомъ въ развитіи извѣстныхъ формъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Начать съ того, что благодаря нѣкоторымъ ханамъ земледѣльческій строй болѣе прежняго утвердился въ Крыму. Въ особенности же старался объ этомъ первые ханы, которые заботились о заселеніи Крыма новыми толпами кочевниковъ и о приученіи ихъ къ осѣдлой жизни. Такъ родоначальникъ династіи Пиреевъ Хаджи-Гирей, по выраженію неизвѣстнаго автора турецкой рукописи, содержащей въ себѣ исторію крымскихъ хановъ, „умѣлъ привлекать сердца и потому во время правленія его значительное число народа переселилось съ Волги въ Крымъ“⁵⁾. Дѣйствительно, передвиженіе въ Крымъ во 2 пол. XV в. новыхъ племенъ совершилось при дѣйтельномъ участіи Хаджи-Гирея и ближайшихъ его преемниковъ Менгли-Гирея и Сахлбѣ-Гирея, вслѣдствіе чего въ Крыму образовались новыя поселенія. Быть можетъ, степная часть Таврическаго полуострова и близлежащая мѣстность на материкѣ заселились по указанію Хаджи-Гирея и его преемниковъ. Преемникъ Хаджи-Гирея Менгли-

¹⁾ Основныя начала мусульманскаго права, Фанъ-день-Берга, 141 стр.

²⁾ Ibid. 141 и 144 стр.

³⁾ О правѣ собственности по мусульманскому законодательству, барона Торнау, 10 стр.

⁴⁾ Историческая судьба крымскихъ татаръ, Хартахая, въ Вѣстн. Европы, 1866 г., II-й т., 212—214 стр.

⁵⁾ „Исторія крымскихъ хановъ“, переводъ съ тур. рукоп. Негри въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. I, 381 стр.

Гирей также заботился о заселении крымских степей и о развитии въ Крыму земледѣльческаго строя¹⁾. Сохранившіеся отъ времени его правленія тархан-ные ярлыки показываютъ, что ханъ старался о развитіи въ своемъ государ-ствѣ мирной жизни, сдѣлавшей при немъ значительные успѣхи. Такъ изъ ярлыка, даннаго имъ въ 1447/8 году Ходжа бію видно, что налогъ собирался въ ханствѣ „съ дыму по числу *строений*“ и что „существовала работа на *казенные амбары*“, т. е. ссѣпка хлѣба, а изъ ярлыка, даннаго въ слѣдую-щемъ году нѣкому Махмудеку, видно, что торговля пошлины взымались не только отъ продажи домашнихъ животныхъ, соли, рыбы и т. д., но также и „съ *каждой мѣры хлѣба*“, съ послѣдней въ размѣрѣ 13 акчей²⁾. Разъ въ Крыму существовало обложеніе по числу *недвижимыхъ* имуществъ, торговля пош-лины взыскивались и отъ продажи хлѣба, а казенные амбары заполнялись хлѣбомъ, который обязанъ были доставлять все жители,—можно думать, что земледѣльческій строй сдѣлалъ при Менгли-Гирей дальнѣйшій шагъ впередъ. Дѣятельный Сахибъ-Гирей (1537—1551), по словамъ автора вышеупомянутой рукописи, „обратилъ особенное вниманіе на устройство своего народа, чѣмъ и приобрѣлъ безсмертную славу“. По свидѣтельству указаннаго автора Сахибъ-Гирей велѣлъ будто сломать телѣги, служившія кочевникамъ для переѣздовъ, и назначилъ имъ опредѣленные мѣста для постоянного жительства, приказавъ имъ строить дома и деревни на пространствѣ всего крымскаго полуострова, „отъ Ферхъ-Кермана на сѣверѣ до Балаклавы на югѣ и отъ Кафы на востокъ до Козлова на западѣ“³⁾. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Сахибъ заботился о раз-витіи въ Крыму осѣлости. Татары до настоящаго времени хранятъ благо-дарную память о заботахъ Сахибъ-Гирея объ утвержденіи въ Крыму земе-дѣлія. Какъ видно изъ объясненія депутатовъ отъ татаръ-поселянъ ком-миссіи 1802 г. для разбора поземельныхъ споровъ въ Крыму, народное пре-даніе приписываетъ Сахибу „поселеніе татарскаго народа между Перекопомъ, Козловомъ, Бахчисараемъ, Кефою, Еникале, Арабатомъ и Сивашемъ съ ут-верженіемъ каждому селенію въ вѣчное потомственное (?) владѣніе границъ“⁴⁾. Хотя это преданіе нуждается въ доказательствахъ, тѣмъ не менѣе мы ду-

¹⁾ Крымское ханство, В. Смирнова, т. I, 246 стр.

²⁾ „Тарханские ярлыки крымскихъ хановъ“, И. Березина, въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. VIII, 4, 13 и 15 стр., примѣч. на 8 стр.

³⁾ „Исторія Крымскихъ хановъ“ въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. I, 384 стр.

⁴⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“ „объясненіе депутатовъ отъ татаръ-по-селянъ“ въ извлеченіи изъ „дѣла по предложеніямъ г.г. военныхъ губерна-торовъ Казовскаго и Михельсона и по указу Правит. Сената объ учреж-деніи Коммиссіи для разбора споровъ по землямъ“ и пр. (1798 г. № 8).

маемъ, что Сахибъ-Гирей дѣятельно заботился о развитіи въ Крыму оскѣлой жизни. Сохранившіеся отъ времени его правленія ярлыки имѣютъ предметомъ своимъ болѣею частью пожалованіе кого либо землею или освобожденіе отъ тѣхъ или другихъ повинностей¹⁾, и такимъ образомъ видно, что ханъ придавалъ особенное значеніе землѣ и ею пользовался для тѣхъ или другихъ цѣлей.

Мы не будемъ останавливаться на дѣятельности въ указанномъ направленіи остальныхъ хановъ, такъ какъ изъ изложеннаго ясно видно, что земледѣльческій строй при первыхъ же ханахъ подвинулся впередъ въ своемъ развитіи. Перейдемъ къ дальнѣйшему и укажемъ, какимъ образомъ вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣльческаго строя подъ воздѣйствіемъ ханской власти уложились двѣ поземельныя формы въ Крыму, а именно—*ханское землевладѣніе* или *ерзъ миріе* и *помѣстное—ерзъ мемлекетъ*.

Будучи преемниками во власти съ одной стороны пророка, съ другой—Чингизъ-хана, крымскіе ханы естественно гораздо болѣе золотоординскихъ примѣняли на практикѣ принадлежащее имъ право верховнаго обладанія землею, тѣмъ болѣе, что, благодаря развитію земледѣльческаго быта и увеличенію потому цѣнности земли, подобнае примѣненіе имѣло смыслъ и значеніе. Мы думаемъ, что практическое осуществленіе вышеуказаннаго права началось при первыхъ же ханахъ и продолжалось при тѣхъ, которые особенно старались о поддержаніи авторитета своей власти. Кромѣ Хаджа и Менгли-Гирея объ этомъ заботились: Сахибъ-Гирей (1537—1551), Мухаммедъ II (1577—1584), Гази-Гирей (1588—1608), Инайеть-Гирей (1635—1637), Адиль-Гирей (1666—1671) и Эльхаджъ-Селимъ-Гирей, бывшій нѣсколько разъ ханомъ. Имена ихъ часто встрѣчаются въ документахъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ поземельному вопросу въ Крымскомъ ханствѣ, и потому мы думаемъ, что они придавали особенное значеніе землевладѣнію, а въ особенности той его формѣ, которая непосредственно касалась ихъ интересовъ. Благодаря этимъ ханамъ, а также нѣкоторымъ другимъ ханамъ XVIII в., и образовался тотъ довольно обширный фондъ поземельной собственности въ Крыму, который мы назовемъ вообще *ханскимъ землевладѣніемъ*, и который, выражаясь языкомъ шеріатскихъ книгъ, составляетъ *ерзъ миріе*. Такъ какъ въ ханствѣ строгаго разграниченія между правомъ частнымъ и государственнымъ не было, то поэтому подъ общимъ названіемъ *ерзъ миріе* понимались не только коронныя земли, но также земли, составляющія личную собственность хана или кого-либо изъ членовъ его семьи, напр. наследника престола.

Мы ограничимся сказаннымъ о ханскомъ землевладѣніи, такъ какъ бо-

¹⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“ документы за №№ 2, 3, 4, 6 и др.

лѣе близкое знакомство съ этой формой землевладѣнія оставимъ до надлежащаго мѣста, когда будемъ разсматривать всѣ остальные формы крымско-татарскаго землевладѣнія въ томъ видѣ, какъ онѣ окончательно выработались въ ханствѣ. Поэтому мы перейдемъ къ вопросу объ образованіи другой поземельной формы, связанной по своему происхожденію съ указанной выше. Это — *помѣстное* землевладѣніе, порожденное тѣмъ же факторомъ, какъ и первая землевладѣльческая форма, т. е. установленіемъ ханской власти и ея инвеституры. Дѣйствительно, ханы, выдвинувъ впередъ изъ безразличной массы служилое сословіе, начало котораго мы видѣли у татаръ еще въ степяхъ Азіи, естественно должны были вознаграждать усердіе и труды этого сословія, и такъ какъ цѣнность земли, благодаря развитію осѣдлаго быта, стала больше, то ханы и начали раздавать землю въ видѣ награды своимъ приближеннымъ, служащимъ или тѣмъ, кто заслужилъ почему либо ханскую милость. Подобная раздача земель тѣмъ болѣе могла широко утвердиться, что имѣла и извѣстное религиозное освященіе, ибо, какъ мы видѣли выше, ханамъ принадлежало право пожалованія земли по *иктаа*. Это право начало осуществляться при первыхъ же Гирейхъ, и продолжало дѣйствовать до самаго конца существованія ханства. Болѣе всего жаловали землю тѣ ханы, которые отмѣчены въ исторіи, какъ наиболѣе дѣятельные и наиболѣе заботившіеся объ увеличеніи своей власти. Это были: Менгли-Гирей, Сахибъ-Гирей, Девлетъ-Гирей, Гази-Гирей II, Мухаммедъ IV, Эльхаджъ-Селимъ-Гирей и Крымъ-Гирей, какъ это видно изъ ярлыковъ, данныхъ ими на пожалованіе земли. Изъ числа помѣщаемыхъ ниже въ „Сборникъ“ жалованныхъ ярлыковъ пять принадлежатъ — Гази-Гирею II, три — Сахибъ-Гирею, два — Девлетъ-Гирею I и два — Крымъ-Гирею, не говоря о множествѣ другихъ ярлыковъ, выданныхъ вышеозначенными ханами, частью появившихся уже въ печати, частью находящихся въ архивѣ Таврическаго Дворянскаго Собранія и на рукахъ у владѣльцевъ. Кромѣ того изъ числа печатаемыхъ въ „Сборникъ“ имѣются ярлыки съ именами Сеадетъ-Гирея — 1530 г., Мухаммедъ-Гирей II — 1576 и 1578 г., Ислямъ-Гирей — 1584 г., Мухаммедъ-Гирей III — 1623 и 1625 г., Селимъ-Гирей II — 1746 г., Селимъ-Гирей III — 1765 г., Девлетъ-Гирей IV — 1769 г. и т. д., а изъ числа хановъ, подтвердившихъ выданные раньше ярлыки, кромѣ Эльхаджъ-Селимъ-Гирея, Мухаммедъ-Гирей IV, встрѣчаются еще имена Бегадырь-Гирей и Капланъ-Гирей. Мы привели означенный перечень съ тою цѣлью, чтобы показать, что ханы въ широкой степени практиковали принадлежащее имъ право *иктаа* и что, благодаря этому праву, и создавалась та помѣстная форма землевладѣнія, которая возникаетъ всюду при условіи существованія центральной власти и дружиннаго начала. Выражаясь же языкомъ шеріатскихъ книгъ, эта форма образовала рядъ земель подъ именемъ *ерзъ мемлекетъ*. Мы

назовемъ такой видъ землевладѣнія *мурзинскимъ*, ибо оно составляло принадлежность мурзъ, или высшаго сословія, выдвинувшагося впередъ, благодаря службѣ или услугамъ, оказаннымъ тому или другому хану.

Въ чемъ собственно состояло это землевладѣніе, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Теперь же постараемся указать другія причины, установившія тѣ или другія поземельныя формы въ Крымскомъ ханствѣ.

Эта вторая причина заключается въ томъ значеніи, какое имѣли въ ханствѣ представители шести бейскихъ поколѣній: Шириновъ, Барыновъ, Мансуровъ, Сиджіутовъ, Аргиновъ и Яшлавовъ.

Не смотря на усиленіе централизаціи въ Крыму, ханская власть была однако ограничена. Такимъ ограниченіемъ служила власть беевъ, какъ бывшихъ родоначальниковъ. Мы видѣли выше, что въ періодъ существованія Крымскаго улуса беи приобрѣли извѣстное политическое значеніе, въ качествѣ „владѣтельныхъ князей“ или „тудуновъ“. Съ утвержденіемъ династіи Гиреевъ власть беевъ не ослабѣваетъ. Правда, во главѣ государства стала единоличная власть хапа, которому всѣ были обязаны безусловнымъ повиновеніемъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что, не смотря на измѣненія, которымъ подвергся бытъ татаръ при ханахъ, беи не только сохранили свое политическое значеніе, но, благодаря развитію государственности, заняли опредѣленное мѣсто въ общей системѣ управленія ханствомъ и образовали могущественную аристократію, захватившую въ свои руки кормило правленія¹⁾. Вотъ почему какъ внутреннее, такъ и внѣшнее управленіе ханствомъ принадлежало въ дѣйствительности ханскому дивану или, какъ называли его наши послы, — „думѣ“, которую составляли представители бейскихъ фамилій или *карачи*²⁾ и другія важнѣйшія лица, подобно тому какъ монголо-татарскіе нойоны или беки составляли нѣкогда курлтай (сеймъ). Безъ совѣта этой думы ханъ ничего не могъ предпринять ни по части внутренняго, ни внѣшняго управленія, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ современники, а равно историческія указанія. Такъ, посланникъ польскаго короля Стефана Баторія къ крымскому хану Мухаммедъ-Гирею въ 1578 г. говоритъ, что безъ совѣта „карачей“ ханъ не могъ предпринимать никакихъ важныхъ дѣлъ³⁾.

¹⁾ Историческая судьба Крымскихъ татаръ, Хартахая (В. Е. 1866, II, 219 стр.).

²⁾ См. мой Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова, въ 1587—1588 г. (Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Ком., № 14, 48 стр.).

³⁾ Описаніе Крыма Мартина Броневскаго 1579 г. (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., VI, 354).

То же самое свидетельствуют и русские послы, посланники и гонцы, приѣзжавшие во множествѣ въ Крымъ по дипломатическимъ дѣламъ, напр. Иванъ Судаковъ (въ 1588—1590 г.)¹⁾, Семень Безобразовъ (въ 1593—1594)²⁾, Тяпкинъ и Зотовъ (въ 1681)³⁾, Айтемпревъ (въ 1692—1695)⁴⁾, не говоря о множествѣ другихъ, оставившихъ послѣ себя обширные статейные списки и отчеты, хранящіеся въ дѣлахъ бывшаго Посольскаго Приказа и заключающіе въ себѣ богатѣйшій матеріалъ по бытовой исторіи Крымскаго ханства. Всѣ они единогласно утверждаютъ, что безъ рѣшенія дивана или думы ханъ ничего не могъ предпринять. Тунманъ, составившій описаніе Крыма въ періодъ, предшествовавшій присоединенію его къ Россіи, называетъ беевъ „справителями хана“ и говоритъ, что безъ ихъ согласія ханъ не можетъ начать „ни войны, ни чего либо другого важнаго“, причемъ „рѣшеніе беевъ имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ—самого хана“. „Справедливо“, продолжаетъ Тунманъ, „что ханъ можетъ изложить сопротивляющихся беевъ, но не всегда рѣшается на это: мѣра не всегда полезная. Бее сопротивляются, въ случаѣ, если ханъ издаетъ повелѣнія, противныя закону“⁵⁾. Другой современникъ—Клеманъ сообщаетъ о беехъ слѣдующее: „когда ханъ дѣлаетъ разсужденіе о какомъ-либо важномъ для народа дѣлѣ, либо начать войну или о государственной какой-либо пользѣ, то собираетъ князей (т. е. беевъ) и начальниковъ дворянства татарскаго, прося ихъ къ себѣ въ Бахчисарай“⁶⁾. Мы не станемъ приводить всѣхъ относящихся сюда извѣстій современниковъ и ограничимся лишь приведенными, для того, чтобы видѣть единогласное признаніе того факта, что бее, въ особенности карачи-бее, пользовались большимъ значеніемъ и играли видную роль въ ханствѣ. Попытаемся теперь опредѣлить, съ помощью имѣющихся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣній, насколько простиралась власть беевъ и въ чемъ состояла компетенція ихъ власти, такъ какъ это необходимо въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія дѣла.

Во-первыхъ, что касается внутренняго управленія, то бее завѣдывали

¹⁾ Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 г. (Изв. Тавр. Уч. Архив. Комм. № 18, 43—81 стр.).

²⁾ Мой „Статейный списокъ Московскаго посланника Семена Безобразова“ (Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. № 15, 70—95 стр.).

³⁾ Статейный списокъ Тяпкина и Зотова помѣщенъ во II т. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн.

⁴⁾ Рукопись проф. Алексѣя Ив. Маркевича, содержащая статейный списокъ Айтемпрева.

⁵⁾ Description de la Crimée, Thounmann, 26—27 p.

⁶⁾ Клеманъ. Путешествіе изъ Вѣны въ Бѣльградъ въ 1768—1770, пер. Одинцова, Спб. 1783, 213 стр.

судом¹⁾, финансами и вообще всеми важнѣйшими дѣлами по части администраціи. По словамъ Тунманна, безъ согласія беевъ не могло быть обнародовано ни одно постановленіе, и никакой законъ не могъ быть изданъ безъ ихъ одобренія²⁾. Такимъ образомъ, въ дѣлахъ внутренняго управленія беемъ имѣли рѣшающее значеніе.

Во-вторыхъ, то-же значеніе имѣли они и въ дѣлахъ, касающихся внѣшней политики Крыма. Какъ видно изъ посольскихъ дѣлъ, сохранившихся въ дѣлахъ бывшаго Посольскаго Приказа (нынѣ Арх. М. И. Д.) отъ времени сношеній Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ, грамоты посылались изъ Москвы не одному только хану, калгѣ и нурадину, но и беемъ, а въ особенности Суленевымъ (Яшлавскимъ), которые завѣдывали въ ханской дипломатіи московскими дѣлами³⁾. Равнымъ образомъ подарки посылались не одному только хану, калгѣ и нурадину, но и беемъ, ибо, по справедливому выраженію Адишъ-аги, высказанному имъ Московскому гонцу Айтемпреву, посланному въ Крымъ въ 1692 году, „не ханами тѣ дѣла дѣлаются, но ими, ближними людьми и великими бѣями и карачѣями“⁴⁾. И дѣйствительно, грамоты, получаемыя ханомъ съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ, докладывались въ ханскомъ совѣтѣ, на который съѣзжались всѣ карачи-бее; они-то и обсуждали здѣсь предложеніе, послѣ чего составлялся отвѣтъ. Когда же требовалась договорная грамота, то наше правительство ставило условіемъ, чтобы шертъ была дана не только ханомъ, калгой, нурадиномъ, но и „ближними людьми Крымскаго юрта пяти родовъ честныхъ“⁵⁾, безъ рукоприкладства которыхъ шертная грамота не имѣла значенія въ глазахъ Московскаго правительства. Вотъ почему наши послы такъ настойчиво добивались, чтобы къ выдаваемымъ ханами шертнымъ грамотамъ карачи-бее прикладывали свои печати, мотивируя это тѣмъ, что „по смерти ханова величества, или по переменѣ илихъ хановъ чрезъ тѣхъ пять родовъ непостоянство мирные договоры всегда разрушаются“⁶⁾. Какъ видно изъ статейныхъ списковъ московскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ въ Крымъ, не только дипломатическія

¹⁾ Описаніе Крыма Мартина Броневскаго 1579 (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., VI, 355 стр.).

²⁾ Description de la Crimée, Thonmann, 27 p.

³⁾ „Статейный списокъ Московскаго гонца подъячаго Айтемпрева“, рукопись, принадлежащая проф. Алексѣю Ив. Маркевичу.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Статейный списокъ Тяпкина и Зотова (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., II т., 614 стр.).

⁶⁾ Ibid. 622 стр.

сношенія подлежали вѣдому ханскаго дивана, но и всѣ другіе вопросы внѣшней политики, какъ-то: объявленіе войны, приготовленія къ ней, заключеніе мира и т. д. все это составляло предметъ обсужденія ханскаго дивана. Такъ по извѣстію, сообщаемому упомянутымъ выше Айтемиревымъ, карачѣи отказались выйти въ походъ на Венгрію вмѣстѣ съ Сафа-Гиреемъ. Когда же вельможи, принявшіе участіе въ походѣ, повздорили съ ханомъ, въ Крыму вспыхнулъ мятежъ, который лишилъ престола хана и изгналъ изъ Крыма калгу и ханскихъ женъ¹⁾. Новый ханъ Селимъ Гирей спустя два года послѣ этого событія принялъ участіе въ походѣ на Австрію. Но диванъ потребовалъ, чтобы ханъ вернулся въ Крымъ и жилъ бы здѣсь, не ходя на войну, въ противномъ случаѣ угрожалъ ему лишеніемъ престола²⁾. А вотъ что говорилъ Ахметъ паша князь Сулешевъ въ 1593 г. русскому посланнику Семену Безобразову: „станемъ мы царя уговаривати, чтобы не шелъ на государя вашего украину, и чаемъ, что царя уговоримъ; на государя вашего украину не пойдетъ, а пойдетъ на литовскаго, а гонца своего ко государю пошлетъ вскорѣ“³⁾. Однимъ словомъ, какъ справедливо объяснялъ Айтемиреву каймаканъ, „ханъ безъ юрта никакова великова дѣла о чемъ междо государству належитъ учинить не можетъ“⁴⁾.

Наконецъ, въ-третьихъ, бей оказывали вліяніе на выборъ хана и нерѣдко свергали и назначали хановъ. Исторія крымскаго ханства представляетъ намъ множество такихъ примѣровъ, въ особенности начиная съ начала XVIII в., когда смѣна хановъ, вслѣдствіе ропота и движенія беевъ стала обычнымъ явленіемъ⁵⁾. Гази-Гирей въ 1523 г., Сеадетъ-Гирей въ 1524 г., Мухамедъ-Гирей въ 1584 г., Сафа-Гирей въ 1692 г., Девлетъ-Гирей въ 1703 г., Канланъ-Гирей въ 1709 г. и т. д. представляютъ собою рядъ хановъ, потерявшихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ расположеніе беевъ, а потому лишившихся и престола. Въ то же время извѣстны случаи возведенія на престолъ беями такихъ своихъ кандидатовъ, которыхъ Порта только утверждала въ ханскомъ достоинствѣ. Самъ Менгли-Гирей I при столькихъ превратностяхъ своей судьбы держался помощью, главнымъ образомъ, беевъ. Когда же въ

¹⁾ Пребываніе въ Крыму Московскаго гонца подъячаго Василія Айтемирева, проф. Ал. Маркевича (Изв. Таврич. Архив. Ком., № 9, 55 стр.).

²⁾ Ibid. 57 стр.

³⁾ Статейный списокъ Семена Безобразова, 1593—1594 г. (Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Комм. № 15, 78 стр.).

⁴⁾ „Статейный списокъ гонца Айтемирева“, рукопись, принадлежащая проф. Ал. И. Маркевичу.

⁵⁾ Крымское ханство, Смирнова, II т., 6 стр.

1683 г. былъ смѣненъ Портой популярный Мюрадъ-Гирей ханъ, и на мѣсто его былъ посланъ Хаджи, то беи бросились въ Бахчисарай, разграбили дворецъ и изгнали хана. Даже недюжинный ханъ Селимъ-Гирей, не смотря на свой авторитетъ, какимъ пользовался и въ Портѣ, и у татаръ, испыталъ силу и значеніе беевъ и, столкнувшись съ ними, долженъ былъ уступить имъ; тѣмъ болѣе должны были чувствовать силу беевъ ханы, не пользовавшіеся особеннымъ значеніемъ. Можно потому безъ преувеличенія сказать, что беи, въ особенности карачи, служили ограниченіемъ ханскаго самодержавія и главнѣйшимъ элементомъ государственнаго устройства Крымскаго ханства. Неудивительно поэтому, если наши послы, говоря о карачьяхъ, задаютъ вопросъ, запечатованный ими въ Крыму: „безъ карачѣвъ какъ царству стоять?“¹⁾

Кто же были эти карачи? Представителями какихъ бейскихъ фамилій они были? Тѣхъ самыхъ, которыя заселили Крымъ въ началѣ образованія Крымскаго улуса. По крайней мѣрѣ Ширини, Барыны, Мансуры, Сиджіуты, Аргины и Яшлавы, т. е. тѣ самые роды, о которыхъ сохранились преданіе и свидѣтельство исторіи, какъ объ основателяхъ и правителяхъ Крымскаго улуса—играютъ первенствующую роль и въ Крымскомъ ханствѣ. О нихъ говорятъ современные бытописатели; ихъ имя фигурируетъ и въ дипломатическихъ документахъ, сохранившихся отъ времени сношеній Москвы съ Крымомъ. Для опредѣленія порядка достоинства и значенія карачи беевъ, приведемъ нѣкоторыя историческія справки. Въ отвѣтной грамотѣ Θεодора Ивановича 1593 г. крымскому хану Газия-Гирею мы читаемъ: „а для правды и вѣры хочешъ къ намъ отпустить сына своего Тохтамышъ Гирея царевича, да отъ большихъ родовъ Арасланая *Дивѣева*, и отъ *Ширинскаго* роду, и отъ *Сулешева*, и отъ *Куликова* и ото всѣхъ родовъ по челоуѣку приплешъ“²⁾. Въ приведенныхъ словахъ мы имѣемъ названіе рода Дивѣева. Судя по тому, что по генеалогической таблицѣ рода Мансурскихъ, хранящейся въ архивѣ Таврическаго Дворянскаго Собранія, Мансуры ведутъ свое происхожденіе отъ *Давій-бея* (Дивій-бея), одного изъ преемниковъ Эдиге-бея, можно полагать, что подъ „Дивѣевымъ родомъ“, такъ часто встрѣчающимся въ Крымскихъ шертныхъ грамотахъ, слѣдуетъ понимать Мансуровъ родъ³⁾, существовавшій въ Крыму до послѣдняго времени. Далѣе, изъ статейнаго списка Ивана Судакова, бывшаго въ Крыму въ 1588—1590 году, видно, что царское жало-

¹⁾ Крымское ханство, Смирнова, II, 256.

²⁾ Мои „Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Москов. госуд. въ XVI—XVII, хран. въ Москов. Главн. Арх. М. И. Д.“ (Извѣстія Тавр. Архивн. Комм. № 9, 41 стр.).

³⁾ Въ шертной грамотѣ 1647 г. Исламъ-Гирея „Дивѣево родство“ замѣнено—„Мансуровымъ“ (Извѣстія Тавр. Архив. Ком. № 11, 37 стр.).

ванье было послано въ числѣ другихъ слѣдующимъ карачѣямъ: Алѣю князю *Ширинскому*, Мурату князю *Сулешеву* и Дербышу князю *Куликову*¹⁾. Инымъ же князѣмъ „*Барыновъ*“ (т. е. Барыновъ), Иналѣй князю *Чижіутъ* (т. е. Сиджіутъ) и Абдула князю *Килчаковъ* были обойдены подарками, вслѣдствіе чего они жаловались хану, а ханъ выразилъ неудовольствіе по этому поводу Судакову. Послѣдній оправдывался тѣмъ, что именъ этихъ князей нѣтъ въ спискѣ лицъ, которымъ слѣдуетъ жалованье изъ Москвы, такъ какъ вѣроятно они недавно только „уничились въ карачѣхъ“²⁾. Такимъ образомъ, изъ статейнаго списка Судакова мы узнаемъ названіе *шести* карачѣевъ, при чемъ въ этомъ спискѣ фигурируютъ фамиліи: 1) Ширинскихъ, 2) Сулешевыхъ или Яшлавскихъ³⁾, 3) Куликовыхъ, 4) Барыновъ, 5) Сиджіутовъ и 6) Килчаковъ. Въ современныхъ же этому списку дипломатическихъ памятикахъ указываются лишь четыре рода: Дивѣеви (думаемъ, что это — Мансуръ), Ширини, Сулешевы и Куликовы. Наконецъ, въ шертной записи 27 апрѣля 1670 г. крымскихъ пословъ Сеферъ-аги и Шахтемиръ Атадыка мы читаемъ: „а по сему нашему утвержденію, чтобы миръ всегда былъ въ великомъ остереганіи держанъ въ Крымѣ шертовать *пятьма родомъ крымскимъ, т. е. Ширинскимъ, Куликовымъ, Мансуровымъ, Аргинскимъ и Сулешевымъ*“⁴⁾. Здѣсь мы имѣемъ уже пять родовъ, которые обизаны были шертовать вмѣстѣ съ ханомъ. Тѣ же роды, только нѣсколько въ другомъ порядкѣ, шертовали при заключеніи знаменитаго Бахчисарайскаго трактата 1681 г. Въ статейномъ спискѣ посланниковъ Тяпкина и Зотова объ этомъ содержится слѣдующая записъ: „и ближніе люди Крымскаго юрта *пять родовъ честныхъ: Ширинскіе, Мансуровы, Аргинскіе, Куликовы, Сулешевы* съ тѣми вашего царскаго величества посланники постановили въ договорѣ“⁵⁾. Изъ всего сказаннаго выходитъ, что хотя число карачѣевъ и порядокъ ихъ значенія и достоинства въ общей системѣ іерархіи не могутъ быть съ точностью опредѣлены, тѣмъ не менѣе на основаніи свидѣтельства крымскихъ шертныхъ грамотъ и записей

¹⁾ Статейный списокъ Ивана Судакова. (Извѣст. Тавр. Арх. Ком., № 14, 53 стр.).

²⁾ Ibid.

³⁾ Сулешевы въ одномъ и томъ же статейномъ спискѣ называются то Сулешевыми, то Яшлавскими. „Пребываніе въ Крыму Моск. гонца подъячаго В. Айтемпрева“, Маркевича (Изв. Тавр. Арх. Комм., № 9, 58 стр.).

⁴⁾ Мон. „Памятники дипломатич. сношеній Крымскаго ханства съ Москов. госуд. въ XVI—XVII в.в., хранящіеся въ Моск. Главн. Archivъ“, (Извѣстія Тавр. Арх. Ком. № 12, 19 стр.).

⁵⁾ Статейный списокъ посланниковъ Тяпкина и Зотова (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. II-й, 619 стр.).

пословъ, мы должны признать существованіе *пяти* бейскихъ родовъ: Ширинскихъ, Мансуровыхъ, Аргинскихъ, Куликовыхъ и Сулешевыхъ, игравшихъ видную роль въ Крымскомъ ханствѣ. Если же примемъ болѣе позднее свидѣтельство, свидѣтельство бытописателей второй половины XVIII в., то должны признать компетенцію лишь четырехъ карачѣевъ, которые составляли представители фамилій: 1) Шириновъ, 2) Барыновъ, 3) Мансуровъ и 4) Сиджіутовъ¹⁾. Эти же самыя названія фигурируютъ и въ родословной Ширинскихъ, гдѣ говорится, что „управленіе Крымскимъ ханствомъ составляли четыре рода беевъ, а именно: 1-й) Ширинъ, 2-й) Мансуръ, 3-й) Барынъ и 4-й) Сиджіутъ, называвшіеся по татарски дортъ-карачи“²⁾. Наконецъ въ началѣ настоящаго столѣтія таврическій губернскій предводитель дворянства Нотара на запросъ таврическаго губернатора отъ 22 апрѣля 1807 о томъ, какіе роды мурзъ должны считаться бейскими“, отвѣтилъ, что „Ширинскіе, Мансурскіе, Сиджіутскіе и Аргинскіе составляютъ первые четыре рода беевъ, второй же разрядъ беевъ составляютъ Кипчакскіе и Яшлавскіе“³⁾. Барынскіе не помѣщены потому, что ихъ родъ прекратился въ то время; ихъ нѣтъ даже въ спискѣ крымскихъ мурзъ, составленномъ въ февралѣ 1784 г. завѣдывавшимъ земскимъ правительствомъ Крыма барономъ Игельстромомъ, по порученію князя Потемкина⁴⁾. А въ 1839 г. таврическій губернскій предводитель дворянства, на запросъ новороссійскаго генералъ-губернатора о представленіи свѣдѣній „о потомкахъ *семи* бейскихъ поколѣній“ министру юстиціи, по дѣлу о возведеніи ихъ въ дворянское достоинство, посылаетъ требуемыя свѣдѣнія о Ширинскихъ, Мансурскихъ, Сиджіутскихъ, Аргинскихъ, Кипчакскихъ и Яшлавскихъ и прибавляетъ въ заключеніе, что „потомковъ седьмой бейской фамиліи *Барынскихъ* никого не оказалось“⁵⁾.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, главнѣйшими бейскими фамиліями въ Крымскомъ ханствѣ были: 1) Ширины, 2) Барыны (быть можетъ, это Куликовы крымскихъ шертиныхъ грамотъ), 3) Мансуры, они-же Дивѣвы, 4) Сиджіуты, 5) Аргины и 6) Яшлавы или Сулешевы. Что касается Кипчаковъ, наз-

1) Description de la Crimée, Thounmann, 22 p. Клееманово путешествіе изъ Вѣны... въ 1786—1770 г., перев. Одинцова, Спб. 1783 г., 211 стр. Memoires de Baron de Tott, II, 86 p.

2) См. ниже, въ „Сборникѣ“ родословную Ширинскихъ.

3) Дѣло № 5 „по сообщенію въ Таврическое Областное Правленіе о присылкѣ о выѣхавшихъ за границу и оставшихся здѣсь мурзахъ имянныхъ списковъ“, 24 іюня 1784 г. (Арх. Тавр. Губерн. Прав.).

5) Дѣло № 222 отъ 22 іюля 1838 г. „По предложенію графа Воронцова о доставленіи свѣдѣній о семи бейскихъ фамиліяхъ“, на 28 л. (Архивъ канц. Таврическаго Губернатора).

ванныхъ беями въ отвѣтъ Нотары 1807 г. и губернскаго предводителя дворянства 1839 г., то мы не считаемъ ихъ коренными беями. Такими беями, или князьями чужеземнаго происхожденія, кромѣ Кипчаковъ были еще князья Кекуватскіе, Балатуковы, Салгирскіе, Даирскіе и т. д., преимущественно черкесскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ только указанные шесть родовъ считались главнѣйшими какъ по древности рода, такъ и по тому значенію, какое они имѣли въ ханствѣ. Поэтому они выдѣлялись особо, образуя сословіе карачѣевъ, считавшихся помощниками и соправителями хана. По степени же своего достоинства они слѣдовали другъ за другомъ въ указанномъ выше порядкѣ и соотвѣственно этому занимали мѣста въ диванѣ, на ханскихъ выходахъ и другихъ церемоніяхъ. Главнѣйшіе изъ нихъ Ширины, будучи первыми по своему значенію, пользовались особенной властью. Въ ханскомъ диванѣ Ширинскій бей занимаетъ по сказанію современниковъ, первое мѣсто послѣ хана¹⁾; онъ первый подаетъ въ диванѣ свое мнѣніе, и весьма часто рѣшеніе того или другого вопроса зависитъ скорѣе отъ Ширинскаго бея, чѣмъ отъ остальныхъ беевъ²⁾. Онъ-же стоитъ во главѣ движенія недовольныхъ ханомъ и оказываетъ рѣшительное вліяніе на выборъ хана. Такъ въ 1523 г. Мамышъ бей Ширинскій во главѣ другихъ убиваетъ Мухаммедъ-Гирея и избираетъ Гази-Гирея, котораго потомъ въ свою очередь свергаетъ. Въ 1584 г. Ширинскій Али-бей является руководителемъ движенія противъ Мухаммеда II. Въ 1683 г. ширинскіе беки высказываютъ явное неповиновеніе Адиль-Гирею. Въ 1722 г. верховникъ Ширинцевъ Аджи бей свергаетъ Сеадетъ-Гирея, а за нимъ Мегметъ-Гирея и т. д.³⁾ По объясненію родословной фамиліи Ширинскихъ особенно возвысилась при Менгли-Гирей, когда настали смуты между преемниками Хаджи-Гирея, для прекращенія которыхъ Эминекъ бей Ширинскій принялъ рѣшительныя мѣры. Онъ отправился въ Константинополь и выпросилъ у Порты въ ханы находившагося тамъ въ плѣну Менгли-Гирея, на условіяхъ подчиненія Крыма верховенству Турціи; и послѣ того, какъ Порта согласилась отпустить Менгли-Гирея, онъ первый присягнулъ вмѣстѣ съ назначеннымъ по его ходатайству ханомъ на вѣрность подданства Портѣ⁴⁾. Такимъ образомъ, по общепризнанному преданію, Гирей

¹⁾ Description de la Crimée, Thounmann, 22 p. Клееманово путешествіе въ 1768—1770 г., пер. Одинцова, 211—213 стр.

²⁾ Ibid. 213.

³⁾ Крымское ханство, Смирнова, т. I, 393, 441 и 551; II, 8, 9, 34 и др. стр.

⁴⁾ Мой рефератъ: „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крым. ханствѣ“; въ Трудахъ VI Арх. Съѣзда, IV, 98 стр. Исторія Херсонеса Таврійскаго, Богуша Сестренцевича, II, 256—261 стр.

были обязаны Ширинскому бею утверждениемъ своей династїи на Крымскомъ престолѣ, а Порта—установленіемъ своего верховенства надъ ханствомъ. Соотвѣтственно своей власти и достоинству, глава Ширинцевъ пользовался особыми прерогативами; онъ имѣлъ свою столицу въ Эски-Крымѣ (нынѣ Старый Крымъ), гдѣ находился его дворъ, во всемъ напоминавшій ханскій¹⁾. Подобно хану, Ширинскій бей имѣлъ свой диванъ, гдѣ рѣшались дѣла своего бейлика, свое войско, свое знамя, на которомъ была изображена фамиліальная тамга, въ видѣ Q, печать, по своей формѣ напоминавшую ханскую, своего калгу, нурадина, муфтія, кадія и т. д.,—однимъ словомъ, у него была заведена та-же система управленія и существовать тотъ-же этикетъ, что и у хана²⁾. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что одни Ширинскіе имѣли право родниться съ ханами, посредствомъ брака на ханскихъ сестрахъ или дочеряхъ, и наоборотъ—хановъ, ихъ сыновей или братьевъ на дочеряхъ и сестрахъ Ширинцевъ³⁾.

Второе мѣсто въ бейской іерархіи занимали Барынскіе. О древности ихъ рода можно судить потому, что они приняли въ 1397 г. сторону Тохтамыша въ борьбѣ съ Тимуромъ⁴⁾. Что же касается степени ихъ политическаго значенія, то, конечно, Барынскіе уступали въ этомъ отношеніи Ширинскимъ, хотя и занимали слѣдующее за ними мѣсто⁵⁾. И съ внѣшней стороны Барыны не выдавались: дворъ ихъ былъ гораздо меньше двора Ширинскихъ; они имѣли только нурадина, кадіаскера и каймакана (по нынѣшнему—исправника). Но времени же присоединенія Крыма родъ Барынскихъ, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, прекратился.

Третій родъ—Мансуровы, судя по родословной, хранящейся въ архивѣ Таврическаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, ведутъ свое происхожденіе отъ Эдиге, захватившаго въ свои руки золотоордынскій престолъ въ концѣ XIV в. Можно думать, что поколѣніе Мансуровъ принадлежало къ улусу, отдѣлившемуся отъ Золотой Орды при Ногаѣ, и что оно кочевало вначалѣ въ приазовскихъ степяхъ, потомъ переселилось въ Крымъ и сразу заняло видное положеніе, называясь иначе по имени праправнука Эдиге Дивѣевымъ поколѣніемъ. Особенно же благоволилъ Мансуровымъ Сахибъ-Гирей и возвышалъ ихъ не только въ благодарность за убійство Баки беемъ Мансурскимъ Ис-

¹⁾ Клееманово путешествіе, 211 стр.—*Traité sur la commerce de la mer Noire*, Peyssonel, II, 279—283).

²⁾ Ibid. 279—283.—*Description de la Crimée*, Thounmann, 29 p.—*Memoires de baron de Tott*, II, 86 p.

³⁾ *Description de la Crimée*, Thounmann, 30 p.

⁴⁾ Ibid 22 p.

⁵⁾ Клееманово путешествіе, 212 стр.

ламъ-Гирея, но и потому, чтобы имѣть противовѣсъ для остальныхъ бейскихъ родовъ¹⁾. Но Мансуровы, какъ настоящіе потомки безпокойнаго Ногай, занявъ соотвѣтствующее мѣсто среди другихъ беевъ, сдѣлались своевольнѣе другихъ болѣе старыхъ родовъ. Походъ 1541 г. на Москву не удался, вслѣдствіе ослушанія Мансурскаго бея и намѣренія его убить Сахибъ-Гирея²⁾. Когда же въ XVII в. Мансуръ еще болѣе возвысился, благодаря военнымъ заслугамъ, оказаннымъ Портѣ Канъ-Темиромъ, то они сдѣлались еще болѣе безпокойными и находились въ открытой враждѣ съ ханами. Такъ, по смерти въ 1654 г. Ислямъ Гирея междоусобія между ханскими дѣтьми поддерживались Мансуровыми³⁾. Хотя затѣмъ Адиль-Гирей съ помощью Ислямъ аги смирилъ на время Мансуровыхъ, тѣмъ не менѣе ихъ нельзя было сломить, и они продолжали играть значеніе въ послѣдующей исторіи Крымскаго ханства до послѣдняго времени его существованія. Съ внѣшней стороны они конечно уступали не только Ширинамъ, но и Барынамъ, и могли имѣть только нурадина; никакихъ же другихъ чиновъ не было у нихъ, и дворъ ихъ ничѣмъ особеннымъ не отличался.

Четвертое бейское поколѣніе—Сиджіуты—мало извѣстно. Изъ статейнаго списка московскаго гонца Айтемирава мы узнаемъ только, что Сиджіуты вмѣстѣ съ Ширинами, Мансурами и Аргинами участвовали въ „ханской думѣ“. Ихъ можно было пропустить изъ списка бейскихъ поколѣній, если бы они не были упомянуты въ списокѣ беевъ, составленномъ таврическимъ предводителемъ дворянства въ 1807 и 1838 г.г. Кромѣ того, въ дѣлѣ, производившемся въ Таврическомъ Дворянскомъ Депутатскомъ Собраніи въ началѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія о дворянствѣ Сиджіутскихъ имѣется „свидѣтельство тринадцати знатныхъ особъ“ о томъ, что доказывающіе свое дворянское происхожденіе Батырша мурза и Кая мурза Сиджіутскіе происходятъ изъ „поколѣнія *Сиджіутскихъ князей*“ (беевъ). Въ томъ же дѣлѣ сохранилось въ копіи шесть жалованныхъ ярлыковъ, выданныхъ крымскими ханами Сиджіутскимъ. Къ сожалѣнію, копіи—неправильны и нуждаются въ провѣркѣ, а переводы этихъ копій сдѣланы крайне неудовлетворительно, причемъ года перепутаны и за отсутствіемъ подлинниковъ ихъ нельзя возстановить. Поэтому ограничимся сказаннымъ и перейдемъ къ дальнѣйшему.

Аргинскіе, какъ видно изъ ихъ родословной, ведутъ свое начало отъ Кара-Коджа бега. Въ 1551 г. ханъ Девлетъ-Гирей утверждаетъ „Аргинское карачійство“ за Ягмурчи-Хаджи Аргинскимъ, а въ 1577 г. ханъ Мухаммедъ-

¹⁾ Крымское ханство, В. Смирнова, I т., 413 стр.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

Гирей утверждаетъ въ званіи карачи-бея Джанъ-Мехмедъ бей Аргинскаго. Въ 1585 г. карачійство перешло къ Кара бею, сыну Ягмурчи Хаджи. Наконецъ изъ послѣдняго документа, заключающагося въ дѣлѣ о дворянствѣ Аргинскихъ, видно, что Багатырша бей Аргинскій получалъ изъ Москвы жалованье рухлядью¹⁾. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что Аргинскіе имѣли военное знамя и особый гербъ въ видѣ

Яшлавскіе ведутъ свой родъ отъ Абакъ-бея Кудалака. Перекочевавъ въ Крымъ по указанію Ногай, предокъ Яшлавскихъ завоевалъ еврейскій городъ Кыркъ и „поселился“, какъ говорится въ родословной „въ Яшдагѣ, т. е. на полянахъ въ молодомъ лѣсѣ, между городомъ Кыркомъ и рѣкой Альмой, отъ чего прозвался Яшлавъ, и потомки его и народъ распространились въ разныхъ мѣстахъ, имъ приобрѣтенныхъ“²⁾. Какъ владѣтели Кырка, Кудалакъ-Яшлавскіе брали со всѣхъ жителей этого города подать деньгами и произведеніями со скота, овощей, съѣстныхъ припасовъ, вина, недвижимой собственности, съ каждой души, cadaго заключеннаго брака, о чемъ подробно изъяснено въ грамотѣ Бегадырь-Гирея 1637 г., подтвердившаго привилегіи Яшлавскихъ, какъ владѣтелей Кырка. По имени преемника Абакъ-бея, Сулешъ-бея, Яшлавскіе назывались иначе Сулешевыми, и подъ такимъ именемъ особенно сдѣлались извѣстными московскому правительству. Дѣло въ томъ, что, благодаря своему положенію и вліянію на внѣшнюю политику всего ханства, Сулешевы взяли въ свое вѣдѣніе московскія дѣла. Понимая невыгоду для ханства постоянно враждебныхъ отношеній между Москвой и Крымомъ, Сулешевы приняли на себя роль посредниковъ и по возможности старались улаживать взаимныя ихъ отношенія, тѣмъ болѣе, что подобное посредничество хорошо оплачивалось, и они получали изъ Москвы богатые подарки³⁾, почему они были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, за что, какъ объяснялъ Айтеміръ бей Яшлавскій московскому гонцу Айтемиреву, „они Сулешевы отъ бусурманъ въ подозрѣніи“⁴⁾.

Въ заключеніе о родѣ Сулешевыхъ слѣдуетъ сказать, что они имѣли свой гербъ, который въ ихъ родословной называется *таганъ* и имѣетъ такую форму:

¹⁾ См. ниже, въ „Сборникѣ“, № 53.

²⁾ Мой рефератъ: „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“ (Труды VI Археолог. Съѣзда въ Одессѣ, т. IV, 105 стр.).

³⁾ Мои „Памятники дипломатич. сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ“. (Извѣстія Тавр. Уч. Архивн. Комм. № 9, 16—31 стр., № 10, 33 стр.).

⁴⁾ Статейный списокъ московскаго гонца подъячаго Айтемирава.